

Светлана Яковлева

ГОРОД

Мёртвых

18+

2 ТОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Светлана Яковлева

Город Мёртвых. 2 том

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49888964

SelfPub; 2023

Аннотация

Вспыхнувшая эпидемия обратила людей в живших мертвецов. Девушка, единственная выжившая города, спасает из авиакатастрофы незаражённого, но достаточно бесполезного в новом мире человека. Полная трудностей безжизненная дорога в иллюзорное убежище раз за разом проверяет их на прочность и ставит под сомнение человеческую мораль. Главной опасностью становятся не зомби, а выжившая часть человечества и новая система, с которой героям приходится вступить в неравную борьбу. Удастся ли им прорваться сквозь лабиринт из собственного эгоизма, нездоровой привязанности и страхов? Рискнут ли они быть вместе вопреки всему происходящему до самого конца?

Светлана Яковлева

Город Мёртвых. 2 том

Спасибо моим первым читателям за огромную поддержку.

Пусть неслучайные случайности продолжаютя!

Годы создания:

08.11.2013 – 09.02.2019

ГЛАВА 37. ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Моё дыхание рвано билось о его губы. Я смотрела на него из-под полузакрытых ресниц и чувствовала, как его руки с нетерпением проникают под мою одежду, обдавая холодком поясницу. Он всегда так жадно трогал меня, словно в первый раз. Я бы отдала многое за то, чтобы это всё происходило не здесь и не сейчас, за то, чтобы мы нуждались друг в друге не лишь по воле случая. Но происходило то, что происходило. Ни меня, ни его ничто не смущало – мы сидели прямо на земле, я на его бёдрах, обнимая его ногами, лицом к лицу. Так близко и так непозволительно пошло. Я целовала его, от нетерпения кусая губы. Том посмеивался, терпя мои звериные ласки, и я знала, ему нравилась эта игра. Между нами закручивался огромный клубок напряжения, связывая

воедино наши разгорячённые головы.

– У тебя грязные руки, – словно между прочим напомнила я, ловя момент и снова прижимаясь к нему.

– Это так важно сейчас? – отозвался англичанин, специально протискивая ладонь сквозь узкий пояс моих штанов. – У нас не так много времени... К тому же руки тут, собственно, ни к чему.

Коротко протонав, я отрывисто задышала, вовремя перехватывая его ладонь. Под её напором натужно выскочила пуговица из петли и разъехалась молния штанов. Чёрт, даже моя одежда была на его стороне. Голова кружилась. То ли в тумане, то ли в бреде, я почувствовала, как пояс скользнул с бёдер. Внизу живота сладко заныло, вынуждая меня лихорадочно сравнивать наши счёты. Но мужчина был так возбуждающе напряжён, что это оказалось непростой задачей.

– Может, тебе помочь? – издевательски улыбнулся Том. Господи, какой же он милый.

– Помолчи, – заткнув его рот опухшими губами, я неловкими от волнения руками нащупала острый бегунок.

Наконец он поддался. Томас углубил поцелуй и подхватил меня под бёдра, усаживая сверху.

– Эй, ребя-ят! – вдруг донеслось издали. – Вы где-е?!

Раздосадовано уставившись друг на друга, мы разорвали поцелуй и испуганно вдохнули. Страсть между нами стремительно таяла, растворяясь в небытие. Тяжёлые шаги неспешно шуршали по траве, неумолимо приближаясь.

– Блять! – первой высказалась я, чуть не плача. – Саня...

– Я точно ему врежу сегодня, – помрачнел Томас, беспомощно позволяя мне вскочить на ноги.

От плохо скрываемой злости жилка на его виске активно пульсировала.

– Я сама ему сегодня врежу, – горячо пообещала я, быстро застёгивая штаны и поправляя волосы, которые в принципе и без того выглядели как обычно. – Вот этим ведром, прямо по голове!

Костеря Саньку на чём свет стоит, я наскоро перекинула подаренный им автомат через плечо и поспешила по примятой траве прочь от озера. Выйдя из укромного природного уголка, окружённого буйным приозёрным травостоем, я пошла дезертиру навстречу. Тот, как всегда широко и смешно улыбаясь, приветственно отсалютовал мне дробовиком и остановился, поджидая. К слову, был Дядька уже в опасной близости от нас. Хорошо, что хоть голос додумался подать, иначе пикантной ситуации было бы не избежать.

– А где Соьер? – задал резонный вопрос Санька, когда я с ним поравнялась, и тут же окинув меня пронизательным взглядом, добавил: – Ой, я что, не вовремя, да?

– Нет, – вопреки всему обещанному сухо отозвалась я, одёргивая предательски задрвшуюся рубашку.

Дезертир расплылся в многозначительной улыбке:

– А где вода?

Как раз подоспевший Стэнсбери без лишних слов вручил

дезертиру полное ведро озёрной воды – как только в него не кинул, не понимаю – и молча побрёл вперёд, в сторону нашей временной стоянки.

– Вот вода, – сдержанно прокомментировала я произошедшее и, недолго думая, отправилась следом за англичанином.

– Вообще-то, когда я говорил вам сходить и принести воды, я имел в виду, что вы принесёте её быстро и сами! – воскликнул нам вслед Дядька, гоготнув. – А не пропадёте хрен знает насколько!

– Сань, – не выдержав, обернулась я, покраснев.

– Ась? – быстро нагнал меня тот, весело раскачивая ведром.

– Иди в жопу! – я выплюнула изо рта собственные волосы.

– А чё сразу в жопу-то? – вышагивая рядом со мной, построил из себя оскорблённую невинность дезертир. – Я ж волновался начал! Ушли, пропали – мало ли чего! А вдруг... ведро сильно тяжёлым оказалось?

– Саня! – прыснув, я уткнула глаза в землю и затряслась от негодования. – Ты просто...

– Красавчик? – нашёлся тот, самодовольно закидывая на плечо дробовик.

– Говнюк ты, Саня! – от души сформулировала я.

Всё он понимал прекрасно, и его вымученное беспокойство не выдерживало никакой критики.

Настигнув Тома, что, признаться, было сделать крайне

непросто, я подхватила его под руку. Тот, с тяжёлым вздохом вынув руку из кармана, мягко сжал мою ладонь. Наши пальцы напряжённо переплелись, концентрируя в себе всё то, что не нашло выхода в физической близости.

– Не знаю, надолго ли хватит моего терпения, но он своё рано или поздно получит, – быстро высказался Томас, сбавляя шаг, чтобы мне было проще поспевать за ним.

– Лучше поздно.

– Не могу обещать, – чистосердечно признался мне мужчина и тут же спросил, в который уже раз: – Тин, ты уверена, что он нам так уж нужен?

– Слушай, он отличный выживальщик, у него полно ресурсов и навыков, без которых нам придётся туго. К тому же он сам предложил свою помощь, и мы уже вроде как приняли её. Отказываться от задуманного глупо и нецелесообразно.

– Я думаю, мы бы справились и сами, – возразил Томас.

– А я думаю, что нет, – сказала я, неловко прижимаясь.

Обняв за плечи, Том коротко поцеловал меня в макушку.

– Как скажешь, милая.

– К тому же, попробуй его теперь выгони, – добавила я.

Я устало вздохнула, прекрасно зная, что как только вскипит вода, впереди нас ожидает очередной бесконечный марш-бросок.

Саня слов на ветер не бросал. Мы собрались на следующий же день, как о предстоящей дороге только зашёл разговор. Оперативно попрятав всё ценное из своего логова,

Дядька собрал только самое необходимое и сам стал командовать парадом. Кажется, ему это было не впервой, слишком уж уверенно он раздавал нам свои ценные указания.

– Через горы не пойдём. Сильно сложно, да и долго. Через Казахстан пойдём, только немного по бездорожью срежем, а то прямо по дороге ходить опасно.

Всё хорошо, только длилось это «немного срежем» уже пятые сутки. В основном из-за меня, конечно. Что Том, что Саня были физически выносливее, а я выбилась из сил в попытке поспевать за ними и отбила все ноги о степные камни. Дезертир тем не менее на меня никогда не ворчал, лишь подшучивал и командовал привал, когда я начинала особенно настойчиво ныть. В итоге вечер застал нас в чистом поле, прерывающемся изредка на невысокие плавные холмы и одиночные угрюмые кустарники.

– Во-он до той возвышенности дойдём и там остановимся на ночь! – довольно оповестил нас Дядька, бодро вышагивая впереди. – Давай, Тинка, веселее нужно шевелить конечностями!

– Агрх! – отозвалась я, как всегда плетясь в конце.

Ночевать в чистом поле да ещё и на возвышенности... безумие какое-то! От одной подобной мысли меня бросало в дрожь. Да, степи были пустынными, и нам до сих пор никто не повстречался, но, чёрт возьми, я была почти уверена, что эта ночь вряд ли пройдёт спокойно. Стремительно темнеющее небо догнало нас, как только мы начали подъём на за-

ветный холм. Сбросив рюкзаки, мы, наконец, остановились. Я тут же бухнулась на землю и расстелилась прямо на траве. Ноги гудели от изнуряющей ходьбы.

– Друзья, я тут отойду ненадолго, – быстро оповестил нас Саня, прохлопывая себя по карманам.

Я не стала уточнять, куда, зачем и надолго ли, только махнула ему рукой вслед, давая знать, что он услышан. Странно, но дезертир при разговоре каждый раз упрямо обращался к нам обоим, а не только ко мне лично. Томас в свою очередь лишь в общих чертах понимал, о чём мы ведём речь, в основном ориентируясь по эмоциям и жестам, а также безошибочно определяя маты. Особенно, если их произносила я. В общем, мой словарный запас становился скуден с каждым косым взглядом англичанина. Да, признаюсь, мне теперь почему-то становилось стыдно, когда он взирал на меня вот с таким вот молчаливым укором. Хотя на фоне Санькиной моя речь всё равно смотрелась куда выгоднее, хочу заметить!

Том не пытался разговаривать на русском, хотя раньше активно изъявлял желание. После первой встречи с Дядькой он вообще довольно часто молчал, не переспрашивал и обзавёлся ангельским терпением. Мне было тревожно за него, ибо я знала, что Стэнсбери был совсем не таким, и это временное затишье не сулило ничего хорошего. Он впитывал как губка всё происходящее, тщательно акцентируя внимание на деталях – любой неоднозначный жест, любое грубое

слово – и он мог сорваться. Но дезертир мастерски избегал и того, и другого, сохраняя это хрупкое равновесие. Он, совершенно не напрягаясь, мог сделать то, что нужно ему, при этом не давая Тому и малейшего шанса на вспышку праведного гнева. Он только безнаказанно поддразнивал его, получая от этого какое-то своё изощрённое удовольствие и по-прежнему не реагируя на мои замечания по этому поводу.

Вернувшись, Саня скомандовал отбой, оставаясь на первое дежурство. Не дожидаясь особого приглашения, я нырнула в спальник к Тому, предоставив свой как одеяло. Тот, немного смутившись, сдался. Привалившись на его плечо, я довольно зажмурилась, получая долгожданные объятия. Англичанин отрывисто посмеялся, нежно касаясь моего лба губами. Чуть ли не счастливо повизгивая от свалившихся на меня поцелуев, я заёрзала, устраиваясь удобнее. После бесконечной степи и Саниного тотального контроля мне казалось, что я попала в рай.

– Ой, ну всё, цыц там! – прикрикнул Дядька, прикуривая от старенькой стальной зажигалки. – Как в летнем лагере, ей богу!

– А ты не завидуй! – ехидно пропела я.

– Я? – дезертир поспешно вытащил из зубов задымившую сигарету, грозящую выпасть. – Я да, я завидую! Я, может, тоже хотел бы вот так залезть к Союеру под бок и повизжать чуток!

Уткнувшись в краешек спальника, я безостановочно за-

ржала, красочно представляя эту сцену. Томас же демонстративно не обратил внимания на нашу короткую перепалку, сделав вид, что его это не касается.

– Передай нашему дорогому молчаливому другу, что у него есть всего несколько часов для сна, – добавил дезертир, пока я была обескуражена его шуткой. – Пусть потратит это время с умом. Я разбужу его. Слышишь? И прекращай уже это буйство гормонов, а то отселю нахрен!

– Всё-всё! – пообещала я, с трудом успокаиваясь.

Том заснул очень быстро. Уткнувшись в мои волосы, он глубоко и мерно дышал. Его рука безвольно сползла с меня, когда я в очередной раз заёрзала в попытке принять удобную для сна позу. Спать на земле было неудобно и жёстко. А ещё ночью заметно похолодало. Я с удивлением обнаружила, как от моего дыхания идёт лёгкий еле приметный пар. Вот теперь я могла с уверенностью заявлять, что осень наступила. Я не помню, сколько я лежала, всё ещё пытаюсь заснуть, час или два?

Тёмное глубокое небо ошетинилось на нас яркими холодными звёздами. Откуда-то повеял промозглый ветер. Огромный враждебный мир заключил нас в свои объятия, словно убеждая, что бежать от него бесполезно. Я поёжилась. К счастью, Дядька подарил мне тёплую флисовую кофту взамен утраченной мною куртки. Однако и она меня вряд ли бы спасла, стоило ударить настоящему морозцу. Человек ведь так хрупок. Мы существуем в очень узких температурных

пределах. Если бы не наши изобретения и тёплые дома, мы бы давно уже вымерли, как динозавры. Стоит законам природы измениться хоть на чуть-чуть – и привычный мир послушно покатится в тартарары. Стоит объявиться неизвестному доселе паразиту, превращающему людей в зомби – как вымрут целые города, страны, континенты...

Растеряв всё желание погружаться в сновидения под боком у любимого человека, я привстала. Мне было страшно от своей же мысли, а сна больше не было ни в одном глазу. Во мне назревала паника. Я, как и всё живое, хотела жить и продолжала бороться за это право. Но так ли это было необходимо? Может быть, зомби – это всего лишь антидот против человечества? Природа вольна сама запускать свои двигатели эволюции, когда ей вздумается. Так, может быть, мы и так уже все обречены, и сопротивляться бесполезно?

Я встала, заботливо прикрыв Томаса спальником. Мои глаза уже привыкли к темноте, так что я безошибочно отыскала Дядьку за сваленным в кучу нашим добром. Саня лежал на земле, подложив под голову рюкзак. Тонкая струйка дыма тянулась от очередной сигареты. Господи, разве ж можно так много курить?! Заметив меня, он приветственно отсалютовал ею. Я подошла к нему ближе, чтобы ненароком не разбудить англичанина.

– Чего не спишь? – тихо спросил он.

Лицо у него было отрешённое, практически блаженное, а на губах мужчины играла лёгкая полуулыбка.

– Мне страшно, – призналась я, окидывая окрестности растерянным взглядом и присаживаясь рядом с ним.

С занятой нами возвышенности окружающие нас степи просматривались до самого горизонта. Расстилаясь бесконечными чернеющими коврами, они разбегались в разные стороны, врезаясь в тёмные же очертания гор. Так размашисто и объёмно, что легко можно было почувствовать всю свою никчёмность.

– Я пару растяжек поставил, так что спи спокойно, – заверил меня дезертир. – Если кто и вздумает подобраться – бомбанёт так, что все проснёмся, не бойсь.

Я вымученно улыбнулась его словам и обхватила себя руками, уберегая нагретое тепло. Мы просто сидели и молчали – Дядька курил, а я всё думала. И растяжки его меня совсем не успокаивали.

– Жутко здесь, – наконец высказалась я.

– Да нет, – задумчиво ухмыльнулся мужчина. – Как везде.

– И часто ты так ночуешь, один в чистом поле? – решила я спросить, чтобы отвлечься от собственных страхов.

– Довольно часто приходится, по воле обстоятельств. Я привык, – он смотрел куда-то в небо, и его глаза блестели. – Мне даже нравится.

– Разве это может нравиться? – тихо спросила я, скорее у самой себя, чем у своего собеседника.

Что такого Саня находил в своём отшельничестве? Живя долгое мучительное время в покинутом всеми городе, я меч-

тала лишь о том, что когда-нибудь встречу выжившего. Выжившего человека, который спустя пару часов не накинется на тебя и не убьёт. Хоть одного. Я боялась любого шороха и пряталась за заколоченными окнами. Боялась даже допустить мысль о том, что ночью можно выйти на улицу, не говоря уже о совсем безумной идее – заночевать под открытым небом!

– Ляг на землю, – вдруг предложил он, подпихивая мне рюкзак. – И не смотри по сторонам. Лучше посмотри вверх!

Кинув осторожный взгляд на сумку, я привалилась на неё, нащупав внутри что-то жёсткое. Пристроив голову поудобнее, я попыталась отпустить съедавшее меня напряжение и успокоиться. Ведь всё-таки я находилась здесь не одна. И больше никогда, надеюсь, не буду. За меня теперь есть кому заступиться. Отпустив землю, мой взгляд всецело переключился на раскинувшуюся над нами звёздную карту. Когда-то я любила звёзды...

Саня вытянул вверх свободную от сигареты руку и прищурил глаза, измеряя какое-то одно ему известное расстояние. Наконец, довольно крикнув, он заговорил непривычно мягким голосом:

– Я долго шёл...

Он перевёл дыхание, будто собираясь с мыслями.

– ...и, выбрав для ночлега

Холм ледяной, поставил гибкий шест.

В полярной тьме не Сириус, не Вега,

*Как знак Любви, сверкает Южный Крест.
Вот дунул ветер, поднял вихри снега;
Запел унылый гимн безлюдных мест...
Но для мечты есть в скорбной песне нега,
И тени белые как сонм невест.
Да, я – один, во льдах пустых затерян,
Мой путь в снегах обманчив и неверен,
Мне призраки пророчат гибель вновь.
Но Южный Крест, мерцающий в тумане,
Залог, что я – не завершил скитаний,
Что впереди – последняя любовь!*

Когда дезертир замолчал, на меня обрушилась давящая тишина. Не моргая, я смотрела в сине-чёрное небо и чувствовала, как по моим холодным от ночного воздуха щекам скользят горячие слёзы. Весь этот огромный мир в мгновение ока сжался до тесного вакуума и захлопнулся. Безмолвно открыв рот, как рыба, я силилась понять – откуда? Откуда этот совершенно случайный и чужой мне человек знает «Южный Крест»?

– Ты знаешь Брюсова? – тихо прошептала я вслух, чувствуя, как невыносимо жжёт в груди и предательски трясутся губы.

– Так-то, – осторожно отозвался сбитый с толку собеседник. – Мужик век назад жил, не мудрено...

– Чёрт с ним, с Брюсовым. Почему именно «Южный Крест»? – неровным голосом спросила я.

Приподнявшись, Дядька окинул меня озадаченным взглядом и поспешно притушил сигарету. Кажется, совсем не такой реакции он ожидал от меня на безобидное стихотворение.

– Этот стих... читал мне мой папа. Он очень любил его, – мой голос был словно чужой, бесцветный, сиплый. – Мы каждый летний вечер надеялись, что будет безоблачно. И когда наступала ночь, залазили по шаткой лестнице на крышу бабушкиного дома и смотрели на звёзды, – затараторила я, захлёбываясь. – Небо в деревне чистое, яркое, как здесь. Всё видно до самого горизонта! И если посмотреть в сторону леса, иногда можно было заметить крупную оранжевую звезду Венеры. Она постоянно то появлялась там, то исчезала, но всегда именно на этом месте – рядом с парой высоких ёлок. Сейчас я её не вижу. Она должна быть где-то там...

Сдавленно закончив, я всхлипнула и затихла, не в силах больше выдать ни слова.

– Чёрт, – Саня потёр лоб, растерянно шаря глазами по сторонам. – Извини, я совсем не знаю, как реагировать на женские слёзы...

Подкатывающие рыдания заставляли мои плечи конвульсивно содрогаться. Прошное вновь нахлынуло неумолимой волной, откупорив болезненную память, которую я бы предпочла запереть навсегда. Сжавшись, я уткнулась лицом в землю и судорожно вдохнула пыль.

– Тинка, – осторожно коснулся моего плеча дезертир. –

Эй, харе! Вся морда будет в земле...

Подёргав меня за руку, он не добился ровным счётом ничего.

– Да, блин! – легко подхватив меня, Санька неловко потянул меня к себе.

Я безвольно тюкнулась ему сопливым носом в грудь и заревела пуще прежнего. Его руки были просто стальными. Не представляю, что могло вырваться из этой хватки. Но он лишь растерянно держал меня, чтобы я не упала обратно в траву. Вот уж не думала я, что эта ночь подарит мне такую истерику! А всё из-за этого сраного стихоплёта. Блеснул так блеснул – кто бы мог подумать! Я ненавидела Саню, я ненавидела Брюсова, сейчас я ненавидела буквально всех в этом мире. Но длилось это буквально до той поры, пока мы оба не услышали над нами осторожный голос:

– А что здесь, собственно, происходит?

Машинально отпрянув от Дядьки, я подняла заплаканное лицо и увидела перед нами Томаса. Лицо у него было просто каменное. Не сразу найдя слова, я, однако, мигом урезонила свои рыдания, сведя их к приемлемому минимуму.

– Кажется, я спросил – что здесь происходит? – деловито повторил он свой вопрос, не знаю каким чудом держа себя в рамках вежливого любопытства.

Его губы опасно сжались, превращаясь в тонкую струну.

– Ну-с, – поспешно встал и ретировался Саня. – Раз все всё равно проснулись раньше времени, пойду вздремну и я,

наверное. Не скачайте, друзья, и доброй вам ночи!

Том лишь проводил его жёстким взглядом и моментально вернулся ко мне. Всё ещё сидя на земле, я шваркнула носом и вытерла его рукавом. «Чёрт возьми! Попала так попала, – хаотично промелькнуло у меня в голове. – Нужно ответить ему хоть что-то и чем скорее, тем лучше». Мужчина терпеливо выждал, пока я наберусь смелости.

– Ты всё неправильно понял, – взволнованно прошептала я.

«Не то! Не те слова! Совсем-совсем не те!» – орало мне моё подсознание, но сказанное уже было произнесено.

– Я проснулся от твоих рыданий, а потом увидел тебя в объятиях другого мужчины. Что я не так понял?

– Мы говорили о моём прошлом, – поспешила я исправить сложившуюся ситуацию.

– Прекрасно, – сквозь зубы проговорил Стэнсбери.

– Томас! – жалобно простонала я, умоляюще смотря на него снизу вверх.

– Он приставал к тебе?

– Нет! – возмутилась я, слабо посмеявшись. – Нет, что ты!

Мои руки сами собой вытерли покрасневшиеся щёки и сцепились в напряжённый замок на коленях. Я даже не пыталась встать, боясь, что не удержусь на ногах. Англичанин посмотрел куда-то мимо меня и резко напряжённо выдохнул.

– Не защищай его, пожалуйста, – в голосе мужчины слышалось раздражение. – Не нужно.

– Да он правда тут ни при чём! Это всё я... – не договорив, я запнулась, внезапно понимая, что опять делаю совсем не то, что следовало. Но было уже поздно.

– Вот как? – удивлённо вскинул брови Том, неправильно истолковав моё затянувшееся молчание.

«Твою ма-ать! – схватилась я за голову. – Тин, что ты несёшь?!» Разозлившись на себя, я рывком поднялась на ноги, чтобы не смотреть на собеседника как побитая собачонка.

– Послушай, – как можно смелее обратилась я к англичанину, приблизившись. – Мне просто не спалось, и я...

Я вновь осеклась на полуслове.

«Да-да, – хмуро прокомментировал мой внутренний голос. – И ты пришла к Сане, и вы лежали вместе, смотрели на звёзды, он читал стихи, а потом ты разревелась... Может, лучше соврать, что он приставал к тебе? А то звучит слишком ванильно».

Как это вообще преподнести так, чтобы не смотрелось так... неправильно? Так и не дождавшись продолжения, мужчина тяжело выдохнул, разочарованно поморщился и сунул свои руки в карманы. Его взгляд настойчиво смотрел куда-то мимо меня.

– Тин, иди спать, – вдруг сдержанно попросил он. – Я останусь здесь до утра.

«Лучше просто скажи «хорошо», развернись и уйди, я прошу тебя, – настойчиво посоветовал мне мой разум. –

Утром ты всё объяснишь ему, если понадобится». Томас вновь упрямо поджал губы, явно стараясь удержать себя в руках.

– Ты всё не так понял, – решила напоследок заверить я.

– Может быть, – пронзительный взгляд мужчины уколол меня. – И да, мне было неприятно увидеть это. А теперь, пожалуйста, прекрати оправдываться и уйди. Ты и так уже сказала много лишнего.

Наверное, и правда стоило сейчас уйти. И я ушла, оставив его одного. Без объятий, без поцелуя, без дальнейших бесполезных оправданий. Ещё не хватало нам ссориться при постороннем человеке! Саня, к слову, повернулся к нам своей широкой спиной, и мне было непонятно, спит он или всё-таки нет. Он всегда был таким самоуверенным, что его полная растерянность и неловкие попытки успокоить меня всё никак не выходили из головы. Когда я свернулась клубком в своём спальнике, я почувствовала, что от меня чуть уловимо пахнет табаком. Вот ведь въедливая зараза! На душе моей было тоскливо и тревожно.

Силуэт Томаса темнел перед моими глазами. Он сидел, широко расставив свои длинные ноги и напряжённо сцепив перед собою кисти рук. Что-то творилось сейчас в его голове. Надеюсь, я потом смогу распутать это. А сейчас я была способна сделать лишь хуже.

ГЛАВА 38. САНЯ

– Вы поссорились, что ли?

– А? – вынырнув из своих мыслей, я обернулась на бодрый голос Дядьки.

Прищурившись, он силился обвязать самодельное маленькое грузило леской. Руки его были не приспособлены для столь филигранной работы, потому прозрачная нить его не слушалась и упрямо выскальзывала из-под огрубевших пальцев.

– Дай мне, – не выдержав, я перехватила снасти.

По пути к трассе нам попало довольно крупное озеро, и мы сделали последний привал перед длинной дорогой. Дальше нам предстояло найти транспорт и двигаться преимущественно без остановок до самых Урумчей. По крайней мере, таков был план дезертира. Как я поняла, в Урумчи он уже наведывался, так что можно было смело расслабиться и верить в светлое будущее. Изловчившись, я затянула узел и обвязала грузило ещё раз. Одно мы уже потеряли, не хотелось ещё раз проявлять изобретательность и смекалку – и так уже почти передумали рыбачить, пока собирались.

– Не смеётесь, не тискаетесь...

– Опять ты за своё, – вздохнула я, недовольно закатывая глаза. – Тебе-то какое дело?

– Да надоело смотреть на ваши кислые мины, знаешь ли! – отозвался Санька, подавая мне довольно умело сделанный крючок. – Я, конечно, не то чтобы за Сойера беспокоюсь...

Между делом мужчина обернулся к костру, словно проверяя, точно ли англичанин всё ещё здесь. На его месте я бы даже не сомневалась – Томас не спускал с нас глаз, я даже спиной это чувствовала!

– Не надо за меня беспокоиться, я взрослая девочка, – иронично прокомментировала я. – Разберёмся. Чуть остынет, и разберёмся.

Привалившись спиной к трухлявому бревну, Дядька вздохнул и вытащил из кармана пачку сигарет. Глухо щёлкнула зажигалка, и вновь на меня потянуло едким сизым дымком.

– За водой вас послать, что ли? – хитро прищурился дезертир, закидывая ногу на ногу.

Задумчиво пробежавшись взглядом от самой кромки воды по широкой тихой водной глади, теряющейся где-то там вдали в зеленеющей поросли, я хмыкнула:

– Это на ту сторону озера, что ли? Конечно, тут-то у нас воды шаром покати...

Стряхнув пепел на камни, Саня заулыбался. Как-то мягко так, по-доброму, что невольно на душе стало легче. Я попросила у него нож и уткнулась в коленки, заканчивая прилаживать крючок.

– Каким человеком был твой отец? – вдруг спросил он.

Сморгнув, я помолчала, не зная, что ответить.

– Человек как человек, – наконец выдавила я. – Курил много. И выпивал иногда... Ничего примечательного.

– Заурядный человек, наблюдающий звёздное небо и цитирующий дочери Брюсова, значит...

– Сань, я тебя прошу, не надо, – спокойно попросила я.

Однако пальцы нервно дрогнули, норовя наскочить на крючок, и я вынуждена была отложить снасти.

– То, что ты не говоришь о нём, лишь усугубляет ситуацию. Готов поспорить, своему англичанину ты об этом не рассказывала.

Да, действительно не рассказывала. Но это совсем не значило, что Дядька вдруг оказался каким-то избранным, посвящённым в самое сокровенное. Этот разговор вчера ночью был лишь случайностью, а сам Саня был для меня совершенно чужим человеком. Если бы не стих...

– А ты? – решительно обернулась я к мужчине. – Ты сам хотел бы говорить о тех, кто был тебе дорог и погиб? Не лучше ли попытаться забыть о них и лишний раз не ворошить плохие воспоминания?

Дезертир смотрел на меня излишне внимательно, будто пытаюсь прочесть мои мысли. Глаза его были тёмными, глубокими – я ничего так и не смогла в них увидеть. Кажется, мне не удалось задеть какой-нибудь похожий нерв в нём, раз он остался так холоден к моим словам.

– Но ты не забываешь, – Дядька вытащил сигарету, дыкнул на меня дымом и провёл пальцем по своим обветренным губам. – Ты варишься в этом, раз за разом переживая моменты из прошлого, вместо того, чтобы просто рассказать о

своей боли кому-нибудь и успокоиться. А ведь у тебя даже есть кому, вроде как. Время сейчас опасное. Нельзя же оплакивать мёртвых вечно – от тебя так ничего не останется.

А Саня уже, похоже, начал рыбачить. И я, как тупая рыба, проглотила приманку и попала на крючок. Не уплыть, не вырваться, лишь продолжать безвольно вестись за невидимой нитью и быть в итоге пойманной. На какую-то долю секунды мне даже показалось, что между нами возникла связь. Даже стыдно стало и неуютно от мысли, что он копается в моей душе. Это были совсем не те душещипательные разговоры с Томом, где он всячески старался быть тактичным и не лезть туда, куда его не просят. Дядька видел глубже да к тому же особого приглашения не ждал и церемониться не имел привычки.

– Я пойду, – несмело опираясь на бревно, я заторопилась.

– Куда? – дезертир грустно ухмыльнулся, вновь стряхивая пепел. – В объятия Соьера? Это не поможет, ты же знаешь.

Упрямо поднявшись на ноги, я переступила через бревно и, в поисках поддержки, уцепилась взглядом за Тома. Наши глаза встретились, и на его лице мелькнула тень беспокойства.

– А что, если с ним что-нибудь случится? Кто подарит тебе забвение потом? – спокойно осведомился у меня за спиной Саня, словно почувствовав наш зрительный контакт. – Может быть, я?

Тревожная струна дрогнула внутри меня, заставив

невольно прислушаться к его словам.

– Точно не ты, – сдержанно процедила я, помедлив.

– Опять злишься на меня почём зря, – дезертир отрывисто посмеялся. – Кто знает, как оно обернётся... Умей отпустить, Тин. Учись.

Мне непреодолимо захотелось уйти от него, убежать прочь. Я сделала несколько быстрых шагов мимо сидящего у костра англичанина, направляясь в высокую приозёрную траву. Спустя мгновение, когда упругая зелень уже билась о мои ноги, я почувствовала, как воздух вокруг меня сгущается, становится душным и невыносимым. Голова закружилась, а к горлу подкатила тошнота. Стало страшно. Я качнулась, приложила ко лбу прохладную руку и упала на землю как подкошенная.

Что было потом, я помню смутно. Были чьи-то крепкие руки и слова, русские и английские, пустая брань и тишина. Вынырнув из краткого забытья, я очнулась на разложенном спальнике – ноги закинута на рюкзак, рубашка наполовину расстёгнута, а под носом невыносимо пахнет чем-то резким – поблизости лежала какая-то дурацкая тлеющая трава. Первое же, что я сделала, так это дотянулась до неё рукой и откинула от себя подальше.

– Ай-яй-яй, как нехорошо! – раздался тотчас же рядом со мной голос Сани. – Взяла, выбросила мой букет!

– Тин! Тин, ты в порядке?! – прервал наигранное ворчание дезертира взволнованный голос Томаса.

Том склонился и легонько похлопал меня по щекам:

– Какая же ты бледная, девочка моя... Как себя чувствуешь?

Молча отстранив его руку, я зажмурилась, подавляя куда не девшийся рвотный позыв.

– Ну, как самочувствие? – подключился Дядька, сидящий по правую сторону от меня. – Глаза видят? Ухи слышат?

– К сожалению, да, – сдавленно выдавила я.

– Блевануть не хочется? – в лоб спросил Саня, неестественно для него хитро прищуриваясь.

Я медленно подняла на него взгляд и поняла сразу всё, что он хотел сказать мне этим вопросом.

– Нет, – соврала я, пытаюсь привалиться на близстоящий рюкзак.

– Да неужели? – хмыкнул пронизательный дезертир, не сдержав улыбки.

– Отстань от меня, – слабо попросила я. – И без того тошно...

Дядька заинтригованно обернулся на Томаса и оценивательно смерил того взглядом. Том, замолкнувший, как только Саня подал голос, рассеянно сжимал мою ладонь. Его глаза шарили из стороны в сторону, будто бы он лихорадочно соображал что-то.

– Я в порядке, – поспешила я успокоить его.

Он открыл было рот, словно желая сказать мне что-то, но тут же закусил губу, так и не решившись.

– Да-а, ребята, – развеселился дезертир, нервно ныряя в карман за пачкой сигарет. – Ну вы даёте!

Качая головой, Санька извлёк сигарету и зажал её губами, лихорадочно ища зажигалку.

– Ну, вы красавчики вообще...

Наконец не выдержав, я аккуратно поднялась, придерживаясь за руку Томаса, и села.

– Это не то, что ты думаешь, – хмуро бросила я Дядьке.

– Серьёзно? И что же тогда? – так и не найдя, чем прикурить, мужчина взял сигарету в руку и явно нервно завертел её между пальцев.

– Отравилась, приболела.

– На голову ты приболела, дорогая, – не сдержавшись, высказался Саня.

Задетая его словами, я педантично расстегнула оставшиеся пуговицы и скинула клетчатую рубашку с плеча.

– Вот, смотри! – рыкнула я ему в лицо. – Хорошо видишь?!

Мужчина задумчиво осмотрел растёкшийся по моей руке синяк от укуса и чуть затянувшиеся раны. Цокнув зубом, он протянул ко мне руку и небрежно набросил рубашку обратно на плечо.

– И ты серьёзно думаешь, что из-за этого тебе стало плохо? – нахмурился он.

Я удивлённо хлопнула глазами, совсем не ожидая такой реакции с его стороны. Дезертир же тем временем подцепил

свою штанину, выдернул её из берца, и продемонстрировал мне покрытую чуть зажившими шрамами голень.

– Вот это укус, – серьёзно произнёс он. – Даже, по-моему, два или три... не помню точно. И вот, – подцепив узелок, он быстро размотал обвязку на своей руке и сунул мне под нос разодранное запястье.

Рана была обширной, довольно свежей и настолько отвратительной, что мне пришлось отвернуться, чтобы меня не стошнило. Прикрыв рот рукой, я всё же не могла проигнорировать увиденное. Его руку словно погрызла крупная собака. Некоторых фрагментов явно не хватало, поэтому кожный покров то и дело прерывался, ныряя в щели между переплетениями неумело наложенных швов. Томас смотрел на открывшуюся нам обоим картину с немалым отвращением и явно желал, чтобы дезертир держался от меня подальше.

– Впечатляет? – поинтересовался Дядька, вовремя убирая руку. – У меня есть ещё, но я думаю, что и этого будет достаточно. С тех пор, как я сбежал в горы, я многое повидал и пережил не одно нападение. Хочу заметить, что чувствую я себя всё это время просто прекрасно!

Переведя дыхание, я с усилием сглотнула.

– Почему ты не рассказал нам об этом сразу? – спросила я.

– А почему ты не рассказала? – справедливо заметил мужчина, снисходительно улыбаясь. – Так вот, может быть, вернёмся уже к нашим баранам? Мне кажется, ты... в очень интересном положении, Тин. И, – он кинул беглый взгляд на

Томаса, – не одному мне так показалось. Соьер и без того почти всегда молчит, конечно, но язык жестов у него о-очень выразительный!

– Я не залетела! – вспыхнула я, решая отложить вопрос о заражении на потом.

– А ты не нервничай, Тинка, дыши глубже, – примирительно выставил перед собой руки дезертир. – Тебе сейчас вообще лишний раз волноваться нельзя...

– Я не могу забеременеть! – отчеканила я.

Застегнув трясущимися руками рубашку обратно, я негодуяще обтёрла покрывшееся испариной лицо ладошками:

– Это невозможно.

– Чёй-то? – вскинул брови Саня, зажимая замусоленную сигарету зубами. – Все беременеют, а ты женщина-исключение? Вы ж с Соейром как кролики, тут к гадалке не ходи...

– Нет, не могла. Просто не могла! – с трудом выговорила я, нехотя оглашая вслух, – У меня есть определённые проблемы... Да зачем мне это объяснять вообще?!

– Ну, – задумчиво изрёк мужчина. – Может, с кем-нибудь другим и не могла, а вот с этим... эм... кудесником – раз и смогла! Я слышал, бывает такое.

Оценив весь масштаб катастрофы, отразившийся на моём лице, Санька прыснул и бессовестно заржал.

– Извини-извини, я не нарочно, честное слово! – поспешно ввернул мужчина, вскакивая на ноги. – Вот блин... Надо же так! Все планы...

Ворча ещё что-то, Дядька бодро пошагал к бревну, в поисках утерянной им зажигалки.

– Так, – наконец подал голос Стэнсбери, правильно оценив ситуацию. – Мы уходим.

Растерянно обернувшись на его голос, я почувствовала острое желание расплакаться. Кажется, Том был тоже на взводе, но говорить он со мной старался нарочито спокойным тоном.

– Мы собираем свои вещи, оставляем этого придурка и уходим, – медленно и доходчиво объяснил он. – Поняла?

Мягко коснувшись моего лица, он вытер стремящуюся соскользнуть слезу и несмело улыбнулся мне.

– Всё будет хорошо, – прошептал он быстро, заключая моё лицо в тёплые ладони. – Я позабочусь о тебе...

– Слушайте, а если мальчик родится, Саней назовёте? – вдруг донеслось до нас со стороны берега. – Хотя девочку тоже можно Сашей. Какое у меня универсальное имя, ну просто обалдеть, правда?

– Что он спросил? – тотчас же холодно осведомился англичанин, видя, как побагровело моё лицо.

Мне потребовалось набрать побольше воздуха в лёгкие, чтобы решиться перевести ему суть.

– Назовём ли мы ребёнка его именем, – сдала я Дядьку со всеми потрохами, не покривив душой ни разу.

Том прикрыл на мгновение глаза и напряжённо поиграл желваками.

– Давно заметил, что у него слишком много лишних зубов, – зло процедил он, уверенно стягивая с себя куртку. – Их необходимо проредить.

Я даже не попыталась остановить его.

ГЛАВА 39. ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ

Kai Engel – Highway to the Stars

– Мало я тебя отмудохал!

– Тебе напомнить, как ты минут десять назад в озере булькал, или сам вспомнишь? – вежливо предложила я Сане.

Кинув на меня косой взгляд, дезертир замолк. Я сидела на земле по-турецки, любовно обхватив АКСУ, поставленный на предохранитель. А то мало ли, не удержусь ведь от соблазна.

Том и Саня стояли напротив, на почтительном расстоянии друг от друга и от меня заодно. Оба были разукрашены так, что любо-дорого посмотреть! Томас активно разминал зашибленные пальцы. Он то и дело неодобрительно зыркал в сторону дезертира подбитым глазом, тот же вытаскивал тёмно-зелёную тину из самых неожиданных мест и бросал на землю. Этот медитативный процесс настолько его увлёк, что казалось, всё остальное его мало интересовало. Наконец, невольно поморщившись, Дядька утёр тыльной стороной ладони сломанный нос, из которого всё ещё шла кровь, и сквозь боль рассмеялся:

– Вот сука! – от души крикнул он. – Нет, ну я ожидал, конечно, что-то подобное...

– Я хочу, чтобы ты переводила мне каждое слово, что он произносит! – с жаром объявил мне Том, хмурясь.

– Прямо-таки каждое? – скептически приподняла я бровь.

– Всё, что он говорит!

– Ладно. Только давай без рукоприкладства, – предостерегла я англичанина.

– Это уже как получится...

– Том, ты перегнул палку в этот раз, – констатировала я факт, чтобы до него лучше дошло. – Хватит.

– Опять защищаешь его? – вырвалось у него сквозь зубы.

Глаза мужчины придирчиво сощурились. Я почувствовала, что он всё равно злится на меня, несмотря ни на что и вопреки всему – ну надо же!

– Нет, – холодно отозвалась я, в свою очередь затаив на Дядьку обиду. – Он просто того не стоит.

Недовольно покривившись, Том осторожно ощупал пальцами припухшую скулу и осторожно пошевелил челюстью, но, тем не менее, кивнул мне. Не знаю даже, каким чудом Сания избежал утопления – англичанин не собирался так просто сдавать свои позиции и был настроен решительно. Нет, я не имела ничего против обычного мордобоя, дезертир его заслужил, но в один прекрасный момент Том напрочь перестал чувствовать грань дозволенного, и мне пришлось вмешаться, чтобы привести его в чувство. Один залп из огнестрела

вполне исправил ситуацию в пользу Саньки и поспешно завершил бесцельный обоюдный мордобой. Хорошо, что хоть что-то влияет на Томми по-прежнему эффективно.

– Фу ты чёрт! И сигареты все промокли, – негодуя фыркнул дезертир, пошарив по карманам, и глянул на меня исподлобья. – Тинка, можно хоть в рюкзак залезть на пару сек?

– Стой, где стоишь, – вкрадчиво отозвалась я. – И так дымишь как паровоз.

– Учти, если я не покурю, я вскоре стану нервным и агрессивным, – пригрозил Дядька, с лёгкой полуулыбкой на разбитых губах. – Ну, дай покурить, чё ты? Может, это моё последнее желание! Можешь даже сама достать.

– А вот хрен тебе собачий! – вспыхнула я.

– Тин, – тут же окликнул меня нетерпеливо Стэнсбери. – Я хочу знать всё, о чём вы говорите.

– Не вижу смысла переводить тебе его пустой трёп.

– Я чувствую себя лишним! – в отчаянии повысил голос Том. – Пойми же ты наконец! Каждый раз, когда вы говорите друг с другом, я ничего не понимаю и чувствую себя подурачки!

– Не кричи на беременную женщину! – бодро активировался Саня, сплёвывая себе под ноги.

– А ты лучше вообще заткнись! – угрожающе прошипела я на дезертира, задетая его непрошеным напоминанием.

– Тин, пожалуйста...

– Тинка! Ну-ка переведи ему тут пару ласковых...

– Господи, боже мой, да идите вы в жопу оба! – в сердцах воскликнула я, вскакивая на ноги и подхватывая свой скарб.

Кажется, в этот раз перевода не потребовалось. Оба моих собеседника потупили взгляд куда-то в подпространство. Возможно, им стало стыдно, но я уже не смела на это надеяться.

– Всё, с меня хватит, – подвела я итог на английском, обращаясь, собственно, к Тому. – Мы уходим, немедленно!

Чуть помедлив, Томас подцепил с земли куртку и молча перехватил у меня рюкзак, который я попыталась было закинуть себе на спину. Вообще-то у него был и свой, но я не стала противиться его инициативе – меня всё ещё мучило, и отпускать, похоже, в ближайшее время не собиралось.

– Уходите? – деланно поинтересовался дезертир, послушно оставаясь там, где я ему и велела стоять.

– Да, – сухо бросила я, стараясь удержаться от лишних слов.

Перспектива двигаться дальше без Сани на самом деле не вызывала во мне восторга, но другого выхода я не видела.

– Мы – уходим, ты – остаёшься. Ну или идёшь в противоположную сторону, как сам решишь.

Дядька задумчиво всмотрелся в линию горизонта и цокнул одним из целых зубов, упирая руки в бока.

– Но я ведь обещал помочь вам. А я привык сдерживать обещания.

– Ты именно поэтому дезертировал? – ухмыльнулась я его неправдоподобному заявлению.

Мужчина хмыкнул, не сдержав мрачной улыбки:

– Ладно, уела, – стянув с себя мокрую футболку, он расправил и бросил её на бревно.

«Какой избитый приём, – проворчал мой внутренний голос. – Ничего нового придумать не могут, что ли... Кхм-кхм! А вообще-то очень даже ничего, взгляни-ка! Что скажешь?» Смутившись от собственных мыслей, я быстро отвела взгляд.

– Послушай, ты сейчас в наисквернейшей ситуации, – серьёзно заговорил Саня, педантично разматывая сырую обмотку на руке. – Уж не знаю, чего Сойер на этот счёт думает, но тебе обязательно нужно в безопасное место, и чем скорее, тем лучше. Учитывая, что у тебя там какие-то проблемы... чёрт его знает, как оно вообще может обернуться в итоге. Тебе нужна помощь. И я хочу помочь!..

– Сань, – резко прервала я его. – Давай мы оба будем откровенными – ты ненавидишь Тома. Он от тебя тоже не в восторге, думаю, ты заметил. Ещё хоть один повод – и кто-то из вас точно прикончит другого. Я этого не хочу. Поэтому, давай лучше разойдёмся в разные стороны, пока ещё можем?

– Скорее, не испытываю к нему симпатии, – поправил вдруг меня дезертир. – Но, как видишь, он всё ещё цел и невредим. Ну, или почти цел...

Я недовольно скрестила руки на груди и нахмурилась:

– Вообще-то ты тоже ещё дышишь, заметь!

Дядька снисходительно рассмеялся.

– Нет, ну Сойер сегодня удивил меня, конечно, – в тоне де-зертира послышалось нечто, отдалённо напоминающее одобрение. Его мозолистая рука взметнулась и размяла шею. – Но будь я к нему настроен чуть более агрессивно, я бы нашёл способ от него избавиться раньше. Тебе так не кажется?

Брезгливо скривившись, я отвернулась от своего собеседника:

– Знаешь, мне почему-то всё меньше и меньше хочется задерживаться в твоём обществе.

– А это правда, она глаза режет. Вот кстати скажи мне, Тин...

– О, нет! Я не собираюсь больше с тобой разговаривать! – попыталась я пресечь его очередное словоизлияние, заведомо зная, что невольно прислушаюсь к каждому слову.

Заставив себя развернуться на сто восемьдесят градусов, я поспешила покинуть место нашей стоянки, следом за Томасом, что нетерпеливо ожидал меня чуть впереди.

– Я понимаю, что у тебя теперь выбора нет. Но неужели тебе так уж хочется жить под контролем других людей, пытаясь найти своё место среди тех, с кем ты не имеешь ничего общего? – донеслось мне вслед. – Ты идёшь туда, куда на самом деле идти не хочешь, признайся.

– А смысл? Как ты верно заметил, у меня нет выбора, – невольно прокомментировала я, так и не обернувшись. –

Прощай.

– И даже не ответишь мне? Мне казалось, что мой образ жизни тебе подходит куда больше...

Саня говорил, нарочито растягивая слова и заставляя меня тем самым вслушиваться. Но стоило мне чуть помедлить, как Том нетерпеливо подхватил меня под руку:

– Идём. Ну же! – он настойчиво повёл меня за собой.

– В любом случае, это твой выбор. Но вы не доберётесь до убежища без меня, – услышали мы напоследок. – Вы понятия не имеете, куда идти! Вы не знаете, что вас там ждёт! Тин, не будь душой, ты прекрасно знаешь, что я прав!

подавив желание продолжить этот и без того затянувшийся разговор, я ускорила шаг.

Как я чувствовала себя теперь? Скажем так, во мне всё буквально клокотало от негодования! А ещё я была напугана. Своей возможной беременностью, в которую я до сих пор не верила, и, в довершение, словами дезертира. Его предупреждения звучали угрожающе. И хотя он не торопился нагнать нас или выстрелить в спину, за его словами остался огромный шлейф недосказанности, не сулящий нам ничего хорошего. Саня был прав, причём во многом. Так раздражающе и убийственно прав, что я была готова вцепиться ему в глотку!

Но вот незадача, несмотря на обуявшую меня сейчас злость, какой-то частью себя я понимала, что испытывала к дезертиру довольно смешанные чувства. Он мне нравился. Мне действительно нравился его образ жизни, нравилась его

невероятная живучесть и немного пофигистическое отношение ко всему, что происходило вокруг. Он был мне близок по духу и за такой короткий промежуток времени умудрился легко вписаться в мой мир. Наверное, я считала его другом. По крайней мере, хотела бы его им считать. Но его резкие слова и недомолвки заставляли меня усомниться в его искренности и бескорыстности предложенной им помощи.

– Что он тебе сказал? – наконец не вытерпел моего молчания Томас, спустя некоторое время пути.

Разыгравшиеся страсти чуть утихли, и мужчина выглядел спокойным. Мы шли по направлению к трассе – серое асфальтированное полотно дороги уже виднелось впереди. Местность была по-прежнему пустынной, а впереди, по правую от нас сторону, торчали треугольные крыши аккуратных дачных домиков.

– Ничего дельного, – отмахнулась я. – Наговорил гадостей и попытался запугать.

– И только? – недоверчиво уточнил англичанин.

– Ещё нагородил своих догадок по поводу того, как бы мне и где хотелось жить, – нехотя огласила я.

Внезапное уединение с Томом, вопреки всему, не принесло мне облегчения. Я по-прежнему ощущала, что между нами стоит что-то... а вернее, кто-то. Было лишь вопросом времени, когда он осмелится припомнить мне это.

– И как же ты хотела бы жить, Тин? – тут же отреагировал мой спутник, и от его напускного спокойствия не осталось и

следа. – Где? И... с кем?

Прикрыв на мгновение глаза, я постаралась не воспринимать это близко к сердцу и быть честной с ним.

– Ты прекрасно знаешь, что я хотела бы остаться на родине, – думаю, для англичанина это не стало такой уж новостью. – Но теперь это не имеет значения. В данный момент я хочу оказаться там, где бы я могла спокойно спать, зная, что меня не сожрут.

– Хм, – многозначительно отреагировал Том.

И этот его короткий ответ намекал на длительный и неприятный разговор. Я внутренне сжалась, ожидая, решится ли он продолжить эту довольно скользкую тему.

– А ты хоть раз думала о том, чтобы остаться с Саней? Это, между прочим, отличный шанс не покидать те места, к которым ты привыкла, Тин, – внимательно наблюдая за мной, допытывался мужчина. – Мне небезосновательно кажется, что он предпочёл бы избавиться от меня при первой же возможности. Ты бы осталась с ним? Что скажешь? Вы нашли общий язык, кажется, у вас много общего, – намеренно испытывал он моё терпение. – Знаешь, надо отдать ему должное, он сильный и пронырливый, с таким не пропадёшь. Он – более удачная для тебя партия, правда?

Я прямо-таки чувствовала, как моё лицо становится пунцовым. Ещё хотя бы одно слово вот этим вот его ехидным голосом по поднятой теме – и я точно взорвусь!

Но тут Том схватил меня за локоть и медленно наклонил-

ся к самому уху, хотя говорить тихо в общем-то не было нужды.

– Не обольщайся, – тёплое дыхание коснулось моей кожи. – Я никому не собираюсь отдавать тебя.

От этого вкрадчивого голоса я затаила дыхание. Боясь пошевелиться, я тупо уставилась себе под ноги. Он коснулся моего виска в мягком поцелуе и спустя мгновение ослабил хватку.

– Особенно теперь, – его тон значительно смягчился.

Напряжение между нами как появилось, так и мгновенно испарилось без следа. Подняв взгляд на своего собеседника, я увидела улыбку на его лице.

– Том, ты что... рад? – не поверила я.

– В общем-то, да, – слегка смутился англичанин.

– Ты дурак? – всерьёз спросила я.

– Ну, – засмеялся он в ответ, прищуриваясь, словно прикидывая. – Если только чуть-чуть.

– О, Великий Всемогущий разум, да ты реально сбрендил!

– Как скажешь, милая.

Улыбаясь себе под нос, Томас задумчиво отвёл взгляд и неспешно пошёл вперёд.

– И вообще, – сделала я неуверенный шаг следом за своим спутником, охлаждая ладонями покрасневшие щеки. – Ещё не факт, что я беременна!

– Тебя, кстати, всё ещё тошнит? – с наигранным беспокойством поинтересовался он у меня на ходу.

– Нет! – соврала я.

– Нет? – беспечно уточнил он, на секунду оборачиваясь и поправляя лямку рюкзака. – Ну ладно, будем работать над этим.

ГЛАВА 40. ЗАСАДА

– Пусто.

Я от всей души хлопнула ладонью по очередному баку. Я не знаю, что за сволочь успела пройти здесь и слить весь бензин из брошенных машин, но надеюсь, что ей сейчас икалось! Вскрыть бензобак не такая уж и трудная задача, но всё же хлопотная. Я гневно плевалась ядом вот уже с час, пока мы переходили от очередного автомобиля к следующему – баки были опорожнены каким-то умельцем, с большой неприличной буквы. Если бы я не уговорила своё сознание не припоминать мне больше Дядьку, я бы приписала случившееся ему. Но нельзя ведь во всех своих неудачах теперь обвинять дезертира, верно?

– Господи, я ненавижу этот мир...

– Если будешь его ненавидеть, он будет ненавидеть тебя в ответ, – философски изрёк Том, флегматично изучая вместе со мной раскуроченный бензобак.

Призадумавшись, я полюбовалась чудными оттенками синего и фиолетового цвета на его лице, и ехидно улыбнулась:

– Он и без того не особо-то со мной церемонничает. Да

и с тобой, между прочим, тоже, – порадовалась я тому, что англичанин до сих пор не повстречался с зеркалом.

Я быстро смотала резиновый шланг и, закинув его в рюкзак, размашисто зашаркала ботинками по направлению к небольшому магазинчику.

В придорожном магазине царила пустота. Белые шаткие стеллажи были абсолютно пустыми, только на полу валялся разнообразный мусор. Мы проверили все закутки, но ничего полезного или подозрительного так и не нашли. Только в подсобном помещении со сломанной дверью мы наткнулись на чью-то лежанку и следы жизнедеятельности. Кажется, кто-то ночевал здесь, и достаточно продолжительное время. Совершив круг почёта по помещению, разгребая сор ногами, я запрыгнула на закрытую витрину и перевела дух. Вокруг царила давящая тишина, сквозь разбитые окна виднелось пасмурное небо, воздух, что на улице, что в магазинчике – был спёртым и явно застоявшимся. Хорошо было бы, если бы пошёл дождь, тогда мы бы могли собрать немного воды.

– Я хочу есть, – наконец призналась я, выбивая по доске нестройный ритм ногами.

Стэнсбери пристроился рядом, задумчиво осматривая царившую вокруг разруху, и бесстрастно предложил:

– Можешь съесть меня.

Всерьёз прикинув, насколько мне жалко будет жрать этого уникама с каннибалистическими настроениями, я посме-

ялась:

– Не вариант.

Том улыбнулся:

– Тогда можем устроить рейд по огородам. Я бы не отказался от картошки. Да чёрт с ней, с картошкой! Я бы даже от ранеток твоих сейчас не отказался.

Воспользовавшись моментом, я осторожно дотронулась до его лица, пытаюсь осмотреть его, но Том в очередной раз скривился и дёрнулся:

– Не стоит.

– Больно?

Ненавязчиво привлекая его обратно, я повторила попытку.

– Спрашиваешь, – невольно зажмурился он, терпя мои прикосновения. – Кажется, у меня до сих пор в голове звенит.

– Не шевелись...

– У Сани просто чугунные кулаки.

Мы синхронно замолчали, и каждый подумал, скорее всего, об одном и том же.

После расставания с Саней прошли сутки. Накануне мы с трудом нашли место для ночлега, уже не рассчитывая на спокойный отдых. С транспортом возникла проблема, а так как альтернативный план действий был нами не предусмотрен, мы отправились пешком и шли до темноты, пока не набрали на небольшой жилой сектор. Местность здесь была,

прямо скажем, неприветливая, поэтому спали по очереди. К тому же оказалось, что найти здесь что-либо съестное было практически нереально. Припасы, и без того подходящие к концу, приходилось беречь с удвоенной силой. Особенно воду. Судя по карте, до города нам было ещё далековато, поэтому ситуация была весьма тревожной. Мы не были к такому готовы.

– Предлагаю найти колодец или какой-нибудь другой источник воды, – предложила я, – и проверить парочку домов.

– Уверена, что хочешь это делать? – мрачно уточнил Томас.

– А кто сказал, что это буду делать я? – парировала я, хитро прищуриваясь. – К чёрту этот сраный феминизм.

Томас отвёл взгляд, смиряясь с безвыходностью ситуации. Дело в том, что по эту сторону границы в зданиях, как выяснилось, можно было легко наткнуться на зомби. Они прятались там днём от дождя и ночью от холода, могли забиваться в тёмные неприметные углы так, что их поначалу можно было и не заметить даже. Этакие зомби-домоседы, выходящие «погулять» исключительно при благоприятной для этого погоде.

– Я передумала! – вдруг резко хлопнула я Тома по ноге и спрыгнула вниз. – Я начну есть тебя вот с этой ляжки! Мне кажется, она мясистая...

Посмеявшись, Томас всё же примирительно выставил ладони и попятился к выходу:

– Эй! Это была вежливость, ничего больше.

Демонстративно скрестив руки на груди, я двинулась следом за ним, угрожающе хмурясь и нарочито громко шурша обёртками и банками на своём пути.

– Я понял, с тобой на эту тему лучше не шутить, – тихо посмеиваясь, англичанин остановился в дверях.

– Тоже мне, джентльмен! Зажал даме мяса, – буркнула я, выдав ему тычок под рёбра, и вышла на улицу.

Казалось, мы могли идти по этой дороге целую вечность, и конца ей не будет никогда. Все встреченные нами машины были пусты, а жилища разграблены. Мы оказались в западне по собственному незнанию царящих здесь реалий. Я не могла знать, почему окружающий нас мир вдруг так сильно поменялся, и почему здесь всё было настолько по-другому. И да, мне было страшно, что нам придётся сдаться. Страшно думать о возможном плачевном финале нашего путешествия, о котором обычно не принято говорить вслух. Мы старались это не обсуждать, хотя в глазах своего спутника я читала всё те же тревожные мысли. На одном из привалов я в панике переключила заново все радиоканалы, но ответа по-прежнему не было.

Мы свернули с трассы и направились по извилистой избитой дороге к видневшемуся поселению, когда закрапал мелкий дождь. Учитывая, как затянуло небо, дождь обещал вскоре набрать силу. Но это нам было только на руку. Частные дома с тёмными выбитыми окнами, выстроенные в

длинные тесные улочки, смотрелись жутко, а мелкие подсобные постройки рядом с ними вполне могли укрыть от непогоды несколько заражённых. Выбрать дом «на глаз» мне так и не удалось. Любое из строений вселяло в меня недоверие.

– Куда пойдём? – решил поторопить меня Томас.

Я растерянно осмотрелась. Мы остановились прямо на перекрёстке – по правую руку от меня тянулась вереница сгоревших домов. Очевидно, возгорание произошло в одном здании, а после перекинулось и на остальные вдоль по улице. Искать там что-либо, пожалуй, было бессмысленно.

– Куда поведёшь, – сдалась я.

Том с подозрением осмотрел ближайшие дома и предложил:

– Давай уйдём к окраине, подальше от дороги? Мне здесь беспокойно. Такое чувство...

– Будто бы за нами наблюдают? – тут же отозвалась я.

– Именно.

Сойдясь во мнениях, мы поспешили убраться восвояси. Наверняка нас заметили заражённые, и вполне можно было ожидать «хвост». Я потянула ляжку со своего плеча и сняла автомат с предохранителя.

– Не надо, – рука мужчины на ходу опустилась на оружие. – Выстрел привлечёт слишком много внимания, а патронов у нас мало. Предоставь это мне.

– Тоже мне, любитель ближнего боя, – буркнула я, но ствол всё же опустила.

Решатся на нас напасть или нет, я не знала. Обычные зомби были достаточно тупыми, они пёрли напролом и ничего не боялись. Чего не скажешь об их эволюционировавших собратьях – те не были обделены интеллектом и вполне могли затаиться, проследить и даже устроить западню, если верить Дядькиным байкам. Успокаивал меня лишь тот факт, что «белки», как их однажды назвал при нас дезертир, рыли норы и не селились в зданиях. Но они вполне могли выйти прогуляться в любое время суток, и могли уйти достаточно далеко от норы в поисках пищи.

Добравшись до окраины, мы присмотрели домик посимпатичнее и двинулись к нему.

– Как думаешь, пустой или есть что? – отстранённо спросила я, пытаясь отвлечься и подавить нервозность.

– Пустой, думаю, – хмуро отозвался Том. – Окна выбиты, дверь открыта. Здесь все такие.

Дом встретил нас порогом, окропленным бурыми пятнами. Томас сбросил мешающийся на плече рюкзак, перехватил мачете и осторожно приоткрыл добротную дверь. На всякий случай, вскинув автомат, я заглянула внутрь. В доме было темно и тихо.

– Жди, – коротко бросил англичанин и вошёл, несмотря на моё возмущенное шипение.

На моих глазах подошва его ботинка размазала крупное бурое пятно по обтёсанному дереву порога. Кровь была свежая.

– Томас! – зашипела я, порываясь зайти следом.

Но спина мужчины поспешно скрылась в полумраке помещения. Мне стоило остаться и прикрыть его. И я осталась. Обернувшись, я внимательно изучила окрестности. Чувство, что за нами наблюдают, лишь усилилось. Стояла такая зловещая неестественная тишина, что впору было уносить отсюда ноги. Будь это обычная деревня с редкими ходячими мертвецами, пару-тройку мы бы уже давно встретили и пообщались по интересующему их гастрономическому вопросу. Но здесь, казалось, никого не было. Ну, не должно было быть так! Здесь так не бывает!

– Тин! – осторожно позвал меня мой спутник, выглядывая наружу. – Иди, взгляни на это.

Войдя в дом, я прошла по мягкому от пыли полу прихожей, по отсыревшему ковру, минула коридор, вошла в небольшую комнатку, пахнущую плесенью, и остановилась в полуметре от распростёртого на животе тела. Том протянул мне фонарь.

– Я пока постою у выхода, – шепнул он мне и отошёл.

– Посмотри, есть ли там что...

– Хорошо, – понял меня мужчина с полуслова.

Несмело щёлкнув кнопкой фонарика, я осмотрела тело. Судя по всему, оно принадлежало заражённому. Потрёпанная грязная одежда, повреждённые ноги без обуви, испещрённые струпьями руки... Тут моя рука с фонарём дрогнула. Череп у трупа был вскрыт. Причём так ровно и филигранно,

будто бы это делал профессионал. Кость затылочного и теменного отдела черепа лежала тут же на полу.

Сглотнув, я почувствовала, как меня опять начинает мутить, и зажала нос рукавом кофты. Вдыхать запах табака оказалось куда приятнее и даже отвесляюще. Хорошенько пнув ногой труп, я убедилась, что он точно не вскочит, и только после этого присела рядом. Виднеющаяся серая масса не сильно отличалась от той, что я уже видела ранее, но моё внимание привлекло нечто другое. Внизу значительная часть полушарий была срезана, и в черепной коробке во всей красе просматривался средний мозг – сохранивший свою структуру и не тронутый разложением. Достав нож, я ткнула невиданное доселе чудо и проверила его на упругость.

– Как замаринованный, сука, огурчик! – невольно прокомментировала я.

Надавив лезвием чуть сильнее, я неожиданно увидела, как на поверхности тремя округлыми точками появляется тёмная жидкость. Словно кто-то специально проделал эти три прокола очень близко друг к другу... Но для чего? И почему именно здесь? Призадумавшись, я пыталась как-то обосновать это, но время неумолимо тикало.

– Тин, ты закончила? – в комнату заглянул Томас. – Здесь ничего нет, уходим. Нужно проверить участок, а я боюсь оставлять тебя одну.

Заострив внимание на любой подробности, я выключила фонарь и поднялась на ноги.

– Кто-то исследует заражённых, – донесла я очевидную вещь до своего спутника. – Наверное, пытается понять, в чём причина заражения. Это хорошо.

– Хорошо, – согласился англичанин. – Плохо, что здесь повсюду свежие следы. Нас могли увидеть.

– А что плохого, если это выживший?

– Мы уже встречали одного выжившего, – нахмурился мой спутник. – Ничего хорошего из этого не вышло. А с тем, кто сделал такое – я бы повстречаться тем более не хотел.

Я не стала с ним спорить. Мы покинули дом и обошли его вокруг. Буйная поросль сорной растительности высилась над землёй. Однако пара кустиков чахлой картошки всё-таки виднелась в зарослях засохшей малины. Продираясь сквозь заросли, я уцепилась штаниной за её колючие кусты.

– Ай, блин, – высвободив ногу, я недовольно потёрла уколотое место и внезапно для себя самой замерла. – Пиявка...

Как раз примерно в этом месте несколько дней назад ко мне присосалась крупная озёрная пиявка. Отцеплять её от себя было тем ещё удовольствием, так что впечатлений мне хватило на всю жизнь, а потому событие всплыло в моей памяти фактически мгновенно. Мозг мигом сложил два плюс два и выдал очень интересные выводы.

– Томми! – от волнения моё сердце учащённо забилось.

– Что? – нетерпеливо обернулся тот, отвлекаясь на секунду от жухлой ботвы картофеля.

У меня перед глазами всё ещё стоял белёсый зомби в той

норе под эвакуационным лагерем, с раскуроченной наполовину головой, но всё ещё способный меня атаковать. Этот случай не давал мне покоя. И эти черви, вылезшие прямо через уши...

– Что я говорила тебе в первый день нашей встречи?

– Кажется, ты просила, чтобы я снял с себя штаны, – бесстрастно предположил Стэнсбери. – Дважды. В конечном итоге у тебя получилось – мои поздравления!

– Про зомби, дурак, – посмеялась я.

– Про рефлексы на уровне спинного мозга?

– Вау! – искренне поразились я услышанному. – И ты это помнишь?! Нет, это уже было на следующий день... Я кое-что говорила тебе, ещё перед твоей первой встречей с заражёнными.

– Эм, – Том задумался. – Мы можем поговорить об этом немного позже?

– Мы говорили с тобой о том, что заставляет носителей «вируса» нападать на незаражённых людей и питаться ими, – наконец дословно вспомнила я наш давний диалог.

– Точно, – с неохотой припомнил Томас, отворачиваясь и начиная садово-огородные работы. – Чувство голода. Гормоны. Ты об этом?

– Я знаешь что подумала, – я выглядела серьёзнее, чем когда-либо. – Мы пока не знаем, как точно паразит попадает в организм носителя, но кажется, я знаю, где он обособляется.

– В голове.

– Спасибо, Капитан Очевидность! Давай рассуждать более конкретно.

– Ох, – трагично вздохнул мой спутник. – Я чувствую, я сейчас мало что пойму. Но продолжай, тебя ведь всё равно не остановить!

– Томми! – возмутилась я, обходя его вокруг. – Это важно! Слушай. Паразит попадает в организм и закрепляется в промежуточном мозге, а если точнее, то на гипоталамусе. Видишь ли, в чём дело, при стимуляции определённых ядер гипоталамуса аппетит усиливается. Как мы знаем, сколько бы заражённый ни питался – ему всё будет мало! Это говорит о том, что баланс между чувством голода и насыщения нарушен. Вывод? Паразит прекрасно понимает, что он делает, и избирательно действует на эту мозговую структуру.

Радостно улыбаясь, я удостоверилась, что мой спутник всё ещё слушает меня.

– Мою догадку подтверждает и то, что именно гипоталамус отвечает за нейроэндокринную деятельность мозга, – чуть подумав, я поправилась. – За гомеостаз, – понимания во взгляде Томаса так и не появилось. – За автономную нервную систему. В общем, не суть!

– О, господи, – взмолился Том, максимально ускоряясь.

Мокрая от дождя земля скользила под нашими ногами.

– Одно мне было долгое время непонятно – каким образом выделяемые под искусственной стимуляцией гормоны достигают цели? Ведь, казалось бы, после смерти кровенос-

ная система перестаёт работать, сердце больше не бьётся, а значит, и кровь ничто не перекачивает. И тут я совершенно случайно вспомнила про то, что именно вегетативная нервная система регулирует не только деятельность внутренних органов и желёз секрети, но и как раз-таки деятельность кровеносной и лимфатических сосудов! То есть... червь получил в своё распоряжение своеобразный пульт управления, отрезал доступ головного мозга к спинному, оставив организму примитивные возможности, и развлекается как хочет!

Посмеявшись своему неожиданному озарению, я беспощадно продолжила:

– При долгом отсутствии пищи заражённый становится всё слабее и медлительнее, так как расходует свои ресурсы и совершенно ничем не подпитывается, кроме солнечного тепла. Рано или поздно, думаю, они все благополучно умрут окончательно! И уж точно не переживут зиму. Конечно, сам паразит может выбраться из тела, как я уже видела, и попытаться найти укрытие. Но вряд ли ему удастся зарыться на достаточную глубину, чтобы не замёрзнуть. И всё было бы хорошо, но мне не дают покоя мутационные формы!.. Ты меня слушаешь?!

– Кхм-кхм, – сдержанно отозвался мой спутник. – Да, милая.

– Так вот. Получается, что среди зомби идёт своеобразная... конкуренция. Чем больше пищи они получают – тем больше шанс дольше находиться в активном состоянии, а

значит, и видоизменяться, мутировать в более приспособленную форму. Из которой, кстати, я так понимаю, паразит уже не способен выйти. Это похоже на слияние двух организмов. Червь словно жертвует собой, становится «солдатом», чтобы охранять популяцию, которая выходит из тел, чтобы размножиться. Ну, или перейти в какую-либо другую стадию, нам неизвестную, к сожалению...

– Я бы сказал, к счастью, – не преминул вставить в мой монолог свои несомненно ценные пять копеек Томас, поспешно собирая в рюкзак выкопанное.

– Не суть. Выживают сильнейшие, те, кто смог найти больше всего пищи. А потом эти группы «сильнейших» образуют нечто... напоминающее уже сообщество. Я боюсь представить, во что это может развиваться дальше! Это уже не тупоходячие куски мяса, а разумные существа! Не люди, конечно, но нечто со своими задачами и целями! Это жутко...

– Согласен.

Воцарилась тишина. Подождав ещё чуть-чуть, я так и не получила от Томаса развёрнутого ответа по поднятой проблеме.

– Понятно, тебе неинтересно, – обиженно буркнула я и обняла мокрый автомат.

– Нет, что ты, это очень интересная тема для беседы под дождём, – снисходительно улыбнулся Том. – Кстати, разве ты не хотела набрать нам воды?

– Ох, чёрт, – я хлопнула себя по лбу. – Точно!

Том закинул рюкзак на плечи и ухмыльнулся. Его влажные волосы сейчас причудливо торчали в разные стороны, дополняя и без того интересный образ.

– Извини, – потупила я взгляд. – Просто...

– Не извиняйся. Я сам подписался на эти увлекательные научные лекции.

– Но, ты же можешь понять, о чём я говорю? – с надеждой обратилась я к нему.

– Я понял половину из того, что ты сказала. Вторую половину я пытаюсь осознать, – рассмеялся он. – Честно пытаюсь! Идём?

Смирившись и урезонив бушующие внутри меня эмоции, я поспешила следом за ним.

Мы решили покинуть поселение и вернуться к трассе, но возвращаться прежним путём не отважились. Выйдя за пределы улиц и спустившись в низину, поросшую кустарниками и деревьями, мы некоторое время пробирались сквозь неё, чтобы лишний раз не светиться. Я шла чуть позади, время от времени оглядываясь, но ничего подозрительного не замечала. Наткнувшись на ручей, я остановилась, чтобы набрать воды.

– Нам повезло, – заметил Томас, поджидая меня чуть поодаль. – Надеюсь, не в последний раз.

– Я тоже надеюсь, – искренне отозвалась я, наполняя все ёмкости, что у нас были с собой.

«Неужели хоть что-то действительно пошло так, как нуж-

но?» – успела подумать я, завинчивая крышку бутылки, прежде чем услышала странный глухой стук.

Быстро подняв взгляд, я лишь увидела, как англичанин падает на землю, а рядом с ним, опуская оружие, из кустов появляется неизвестный. Я испытала шок. Бутылка выпала из моих рук и покатилась прочь. Я машинально потянулась к автомату, даже не успев ничего осознать, но кто-то напал на меня сзади и попытался вырвать оружие из рук. Взревев, я вцепилась что было силы в холодный металл, но жёсткие пальцы сомкнулись на моей шее. Силясь вздохнуть, я выпустила оружие и обхватила запястье обеими руками, но всё было тщетно.

– Алексеев! – послышался резкий оклик. – Твою мать!

Хватка чуть ослабла. Жадно вдохнув кислород, я почувствовала, как у меня закружилась голова, от паники меня затошнило с удвоенной силой. В поле моего зрения появились ещё трое мужчин в разномастной одежде и при оружии. Один из них, что был покоренастее, скомандовал уже прозвучавшим ранее голосом:

– Выживших обыскать. Всё, что найдёте, предоставить мне.

Один из незнакомцев тотчас же играючи распотрошил наши рюкзаки. Моя грудь возмущённо вздымалась, но я лихорадочно думала сейчас лишь о том, что они сделают с нами. Томас упрямо не подавал никаких признаков жизни. Вид его неподвижного тела, распластанного на сырой земле, вселял

в меня ужас.

– Командир, тут данные радиоканалов!

– Очень интересно, – мужчина посмотрел подозрительно. – Алексеев, надень барышне мешок на голову, будь добр.

ГЛАВА 41. ДОПРОС

– Передайте сахар, пожалуйста.

Белые гладкие кубики спрессованного сахара вырвались из маленьких щипцов, нырнули в кофе и бесследно растворились.

– Благодарю.

Чайная ложка звонко застучала по стенкам тёмно-зелёной кружки. Серебристая облупившаяся краска на горячем фарфоре, кажется, складывалась когда-то в довольно длинное имя. Однако, что там было написано раньше, прочесть сейчас не представлялось возможным.

К своей кружке я так и не притронулась, ровным счётом как и Том. Мы сидели за добротным квадратным столом, по разные его стороны, в мрачном молчании, и старались лишней раз не шевелиться. Лицо англичанина было нарочито спокойным, но в глазах металось страшное. Удар прикладом пришёлся ему по затылку, потому живописности его физиономии он не прибавил, однако чувствовалось, что Томасу порядком осточертело получать по голове, и он уже взращивает внутри себя план возмездия. Несмотря на рвущийся на-

ружу праведный гнев, Стэнсбери, однако, лишь вновь перевёл взгляд на кружку, от которой тянулся приятный ароматный дымок, медленно вздохнул, будто бы смиряясь со своим положением, и возложил руки на стол. Брякнули наручники о лакированную поверхность, заставив меня вздрогнуть.

Очевидно, посчитав меня потенциально не опасной, по прибытию сюда меня развязали. Поэтому-то я и могла свободно дотянуться до рафинада, а после ковырять ногтями край стола и с осторожным любопытством зыркать по сторонам, в поисках выхода. В комнате нас было пятеро – я, Том, человек, который представился командиром, не удосужившись посвятить нас в тайны своего имени и фамилии, да двое ребят с оружием в руках, лениво подпирающие стенки. Куда нас привезли, я не знала. Всю дорогу сюда они молчали и стоически игнорировали любые мои вопросы. Томас пришёл в себя ещё в машине, но, кажется, ему заткнули чем-то рот. Диалог начался, лишь только нам стоило войти в эту комнату. Моё лицо всё ещё пахло отсыревшим от дождя мешком, а руки неприятно саднили. Что мы им сделали, чёрт возьми, чтобы они вот так обращались с нами?! Потом нас усадили за стол и предложили кофе.

«Вы, блять, серьёзно?!» – до сих пор недоумевало моё чудовище с нервно дёргающимся глазом. Устроенное нам «чаепитие» смотрелось как издёвка, как предвестие чего-то мерзкого и совсем нехорошего.

– Позвольте заметить, что выжившие у нас – редкие го-

сти, – наконец деловито продолжил прерванную мысль командир на ломаном английском. – Уже с месяц точно никого из гражданских не находили.

Я попыталась встретиться глазами с Томасом, но он всё ещё разглядывал браслеты наручников. Мне показалось, что слово «гражданских» было слишком откровенно подчёркнуто интонацией. Командир был мужчиной преклонного возраста. Крепким, коренастым, с частой проседью в волосах и колкими глазами. Его интеллигентность никак не вязалась с его внешним видом, что подсознательно не внушало доверия. А ещё веяло от него какой-то тоской и усталостью, но наше присутствие, очевидно, его взбодрило.

– Что уж говорить об иностранцах, – закончил командир, внимательно разглядывая Тома, и его узловатые крепкие руки сцепились в замок.

Да, ситуация действительно вырисовывалась интересная. Почему-то вот именно в этот момент я как никогда поняла позицию Сани. Том нервно покусал свои губы и наконец поднял на командира решительный взгляд:

– Так получилось, – довольно сухо высказался он.

Командир вздёрнул брови и участливо покачал головой:

– Действительно, нехорошо получилось. Не повезло Вам...

– Нет, – тут же прервал его англичанин. – Я бы сказал, что мне наоборот повезло. Очень повезло.

Заметив его быстрый взгляд в мою сторону, я вдруг уткну-

лась в свою кружку, будто бы ничего интереснее её в мире не существовало, и слегка покраснела. Вряд ли он сейчас имел в виду исключительно спасение из самолёта. Командир деланно откашлялся.

– Это всё чудесно, мистер... мистер Стэнсбери, – изрёк мужчина, и, кажется, его язык при этом едва не завязался в узел. – Однако у меня складывается такое впечатление, я прошу меня простить, что вся Ваша история – это не что иное как увлекательнейшее враньё, не более. Даже не знаю, почему.

– Мы рассказали вам чистую правду, – не сдержавшись, вмешалась я в разговор. – Нам нет смысла врать!

Что я, что Томас в данный момент действительно были откровенны как никогда. Мы прекрасно понимали, в каком мы положении, и не собирались рисковать всем, выдавая недостоверные факты.

– Мы просто ищем место, где могли бы спокойно жить, – я завелась, грязные волосы стояли дыбом, глаза горели – пугающее, должно быть, зрелище. – Нам ничего не нужно от вас. Отпустите, отдайте наши вещи, и мы пойдём своей дорогой!

Том недовольно нахмурился. Командир откинулся на спинку стула, подтянул к себе зелёную кружку с кофе и сделал пару медленных больших глотков, после чего неспешно поставил её обратно.

– Нет, – наконец спокойно отозвался он на мою тираду с совершенно беспристрастным лицом.

Хватанув ртом воздух, я медленно осела обратно на стул, только сейчас заметив, что вскочила с места, а в мою сторону поглядывают два автомата.

– Тин, – тихо попросил меня Том. – Успокойся.

Его пальцы напряжённо вдавливались в крышку стола. «Дура, они не собираются вас отпускать, – мрачно подсказал внутренний голос. – Иначе они бы не привезли вас сюда». Томас сидел так далеко от меня, а мне так отчаянно хотелось взять его за руку, чтобы почувствовать себя хоть сколько-нибудь в безопасности... Я шваркнула влажным носом и вновь упёрлась взглядом в кружку.

– Вокруг война, – вновь заговорил командир помрачневшим голосом. – Вы можете ввязаться в то, о чём не имеете ни малейшего понятия. Мы не можем допустить, чтобы неизвестные нам люди пересекали наш периметр, когда им вздумается!

Две прозрачные капли упали на деревянную поверхность стола, аккуратно возле моей кружки. Они упали так мягко, что их никто не заметил. Даже я не сразу сообразила, что это мои слёзы.

– С другой стороны, есть вероятность, что вы прекрасно знаете, что здесь происходит, – мужчина встал из-за стола и прошёлся по комнате, не спуская глаз с Тома. – Возможно, даже знаете больше, чем вам следовало знать. В таком случае мы вынуждены добиться у вас правды любой ценой.

Со стуком приставив ногу, он завёл руки за спину.

– Поэтому спрашиваю в последний раз – у вас есть, что рассказать нам?

Стэнсбери напряжённо сглотнул, прекрасно понимая, чем это может закончиться, а потому не торопясь с ответом. Я, как всегда, не выдержала первой:

– Мы уже всё рассказали вам.

Мой тихий дрожащий голос прозвучал оглушительно громко в повисшей тишине. В этот раз я говорила на русском, пытаясь достучаться до соотечественника понятными ему словами. Я смотрела перед собой, из последних сил держа себя в руках. Кровь пульсировала в висках, наполняя голову невыносимой тяжестью. Хотелось сорваться, закричать и разбить эту чёртову кружку о чью-нибудь голову.

– Я прошу вас, поверьте, – я говорила это, прекрасно понимая, что ничто из прозвучавшего здесь не будет восприниматься на веру. – Поверьте мне!

– Уведите её, – вдруг кивнул на меня командир. – Алексеев, запри её наверху.

Я увидела, как меняется в лице Томас, как с него сходит вся краска, и размыкаются плотно сжатые до этого момента губы. Один из присутствующих парней рывком поднял меня из-за стола и поволок к выходу.

– Нет, я никуда не пойду! – зарычала я в отчаянии, упираясь изо всех сил и пытаюсь вырваться.

Алексеев был крепким парнем с сильными накаченными руками, но меня сейчас мало что могло удержать. Раздался

звук рвущейся ткани – рукав подаренной Саней кофты разошёлся по шву. Я смогла улучшить момент и вывернуться из его хватки. В панике заметались мои мысли – что следовало мне сделать дальше?! Упасть в ноги командиру и просить его ещё раз? Но это же глупо! Попытаться вырвать автомат у Алексеева? Да чёрта с два у меня это получится! А если и получится, то толку от этого? Взять в заложники командира? Да меня самую быстрее пристрелят! Не сумев договориться с головой, я отпрыгнула от Алексеева, схватила кружку с кофе и выплеснула содержимое в его квадратное лицо. Пока он, неистово матерясь, отшатнулся, я ринулась к Тому. Обняла его за шею, вцепилась в его одежду и уткнулась лицом в широкое плечо.

– Я останусь с ним! – приглушённо повторила я, всхлипывая.

Его заметно подрагивающие руки обхватили мою правую ладонь и крепко сжали. Он молчал. Это удивительно, но в комнате некоторое время стояла тишина, не считая чертыхающегося возле выхода Алексеева. Я вцепилась в Томаса мёртвой хваткой и зажмурилась, вдыхая его запах и со страхом ожидая момента, когда меня попробуют от него отцепить. «Хрен-то там! Не отцеплюсь! Сдохну, но останусь висеть на этой шее!»

– Не стоит усугублять ситуацию, – наконец раздался уставший голос командира. – Мы просто побеседуем с мистером Стэнсбери наедине.

Я до боли стиснула кулаки и всхлипнула. Мне казалось, что стоило мне переступить порог этой комнаты, как они начнут издеваться над ним. В моём мозгу замелькали неприятные картинки. Я настолько боялась этого, что готова была защищать его до последнего вздоха.

– Ехехе, – вдруг посмеялся Томас. – Чудовище, ты сейчас задушишь меня!

Он потёрся тёплой шершавой щекой о мой лоб.

– Не будь такой упрямой, – понизил он голос. – Нам не сбежать отсюда. Мне придётся остаться здесь, а тебе уйти. Надеюсь, этого будет достаточно...

– Я не брошу тебя!

– Тин, ты не бросаешь меня. Я справлюсь сам. Мне необходимо, чтобы ты была в безопасности, – помедлив, он добавил: – Чтобы вы были в безопасности. Подумай об этом.

Меня словно током ударило, а сердце забилося о рёбра с удвоенной силой.

– Уходи, – при этом его слове внутри меня что-то оборвалось и ухнуло. – И не давай им повода для злости. Ты поняла?

Сердце колотилось как бешеное. Нестерпимое ноющее чувство выворачивало меня наизнанку, не позволяя сдвинуться с места ни на шаг.

– Ты поняла меня, Тин? – терпеливо переспросил англичанин, и голос его был твёрдым, и в нём чувствовалась сила, которую я никогда раньше не ощущала.

Кто-то с болью вцепился мне в плечо и настойчиво потянул прочь. Почувствовав это, мужчина сжал мою выскальзывающую руку и отпустил.

– Я люблю тебя, милая.

Как во сне я плелась следом за Алексеевым. Время превратилось в густой кисель, норовящий проглотить меня и навсегда оставить в этой комнате. Запоздало спохватившись, я обернулась на Тома, но он смотрел исключительно на свою кружку, всё ещё держа руки у груди, где только что была моя рука. А я ведь даже не сказала ему, что люблю его...

Я набрала было воздуха в лёгкие, но слова застряли в горле. Он не смотрел на меня. И лицо у него было мертвенно-бледным.

ГЛАВА 42. КОМНАТА

Что он почувствовал, когда дверь за мной захлопнулась?..

Алексеев что-то угрожающе бормотал себе под нос всю дорогу наверх. С его гладковыбритого подбородка всё ещё капали остатки моего кофе, расплзаясь по серой ткани футболки неприглядными пятнами. На негнущихся ногах я поднялась по ступеням на второй этаж и замерла напротив тёмного проёма открытой передо мной двери.

– Да заходи ты уже! – недовольно поторопил меня мужчина, ощутимым тычком в спину побуждая меня ввалиться внутрь.

Комната была небольшой, но явно жилой и частично меблированной. Довольно аскетичную обстановку дополнял практически наглухо забитый стеклопакет. Кажется, чудесного вида на дворик у меня точно не будет.

– Разберёмся с тобой позже, – услышала я напоследок, перед тем как дверь закрылась, погружая помещение во тьму.

Глухо щёлкнул дверной замок, словно ставя точку. Вот и всё. Нас разделили. Ещё долго я стояла, не веря в то, что произошло. Словно издеваясь, темнота обступила меня, оставляя наедине с собственными мыслями. Я покачнулась и вынуждена была медленно осесть на пол, чтобы не упасть. Обхватив себя руками, я приоткрыла рот и попыталась издать хоть какой-нибудь звук, чтобы как-то облегчить расплзающееся внутри меня отчаяние, но слышался лишь слабый сип. Я словно онемела. Перед моими глазами всё ещё стоял командир. Уставший, решительный и неумолимый. Его липкий взгляд следил за мной, словно это я осталась за тем столом, в ожидании неизвестности.

«Что они с ним сделают?» – дикий страх расплзался по моим венам, но слёз всё не было. Наклонившись вперёд, я коснулась лбом пыльных половиц. Прикрыв глаза, я считала удары собственного сердца и продолжала гадать, что происходит сейчас в той комнате, как вдруг тишина надулась как пузырь и оглушительно лопнула. Наконец я безостановочно зарыдала, словно ментально почувствовав вспышку боли, причинённую не мне. Пространство вокруг меня схлоп-

нулось, и время потекло по каким-то своим, одному ему известным правилам.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем раздался этот странный стук в дверь. Тихо всхлипнув в последний раз, я затаила дыхание и испуганно сжалась. Вновь щёлкнул замок, и дверь отворилась. Узкая полоска света рассекла густую темноту.

Первой мыслью промелькнуло, что это Алексеев пришёл поквитаться со мной за злосчастный кофе. Однако шаги у вошедшего были не такие грузные, и это заставило моё сердце тревожно зайтись. Чёрные мужские ботинки медленно прошествовали мимо меня. Неизвестный молча подошёл к столу, с глухим стуком поставив что-то на полированную поверхность. Секундой позже загорелся яркий свет от настольной лампы. Этот беловатый отсвет резанул по глазам, словно тысяча игл. Вернувшись к двери, он запер её на замок с внутренней стороны.

Он не ушёл. Меня обдало холодом. Прикинув, чем из подручных средств я могу защитить себя, я насторожилась.

– Решил принести тебе немного света, – деловито доложил за моей спиной незнакомый спокойный голос.

Приятный тембр непривычно резанул слух. Совсем не этого я ожидала, пожалуй.

– Комнаты второго этажа мы не электрифицировали, – буднично поведал мужчина. – Нужды нет. Только лампа, это... на батарейках, так что не злоупотребляй. Ладно?

Обойдя меня на почтительном расстоянии, он откашлялся.

– Я, если ты не против, не буду садиться на пол, – словно извиняясь, заявил человек, присаживаясь на край кровати.

Он помолчал, терпеливо ожидая, когда я соизволю обратиться на него внимание. Рискнув поднять опухшие от слёз глаза, я увидела перед собой мужчину. Правильные черты лица, чуть сощуренные светлые глаза за узкими элегантными очками, незначительно приподнятые уголки губ и гладко выбритое лицо, сдержанная мимика и манера вести себя выдавали человека ухоженного и интеллигентного. Рукава его красного свитера были аккуратно подкатаны, и выглядел он так нелепо опрятно, что глазам не верилось, что кто-то в этом мире всё ещё способен находить на это время и силы.

– Итак, – снова заговорил он первым, чуть улыбнувшись моему пристальному вниманию. – Начнём, пожалуй. Меня зовут Роман Александрович. Можно просто – Рома.

– Вы пришли допрашивать меня? – тут же выпалила я в полном замешательстве.

– Что? – сдержанно рассмеялся он, не размыкая губ. – Ерунда какая... Нет, я таким не занимаюсь.

Он покачал головой и потёр подбородок, с любопытством рассматривая меня. Стиснув порванный рукав, я недоверчиво нахмурилась, но решила всё-таки уточнить:

– А чем Вы занимаетесь?

– Я – врач, – ответил мне новый знакомый. – И, как ты

понимаешь, нам с тобой нужно кое о чём поговорить.

Ещё до того, как моя мысль успела сформироваться в слова, я отрицательно замотала головой.

– Нет, – у меня нервно задёргался глаз. – Я не собираюсь ни о чём с Вами разговаривать!

Мужчина задумчиво побродил взглядом по комнате и деловито поправил очки. Откашлявшись, он слегка сдвинул брови и заговорил более настойчиво:

– Я, наверное, неправильно выразился... Вообще-то я хирург. Но теперь я занимаюсь буквально всем, чем приходится. И... мне просто необходимо осмотреть тебя на наличие травм или... укусов, к примеру. На моей совести все живущие в этом доме, включая теперь и тебя.

Моё сердце неконтролируемо ёкнуло. Даже интересно стало, ей-богу, как он отнесётся к увиденному. Я прикинула дальнейшее развитие событий и так, и эдак, но все варианты без исключения выходили не в мою пользу.

– Так мы можем начать? – нарушил ход моих мыслей спокойный голос доктора.

– Нет, – тут же отрезала я. – Вы и пальцем ко мне не приронетесь!

– У тебя были когда-нибудь контакты с заражёнными?

– А у кого их не было? – справедливо заметила я, поспешно подымаясь на ноги, чтобы при случае дать достойный отпор.

– Это был скорее риторический вопрос. И чем заканчива-

лись ваши встречи? – полюбопытствовал мужчина с лёгкой, еле уловимой ехидцей.

– Смертью, – не задумываясь, выпалила я с жаром.

Мы обменялись с ним многозначительными взглядами, однако, словно ничего страшного не случилось, Роман Александрович просто растёр свои запястья:

– Я не причиню тебе вреда. Это просто моя работа.

Задержав взгляд на его руках, я представила, как эти пальцы играючи вскрывают череп того зомби в заброшенной деревеньке. И что-то мне стало ещё больше не по себе. А что, если это и вправду сделал он? Вот этими вот самыми руками. А теперь хочет осмотреть меня.

Я всё меньше и меньше чувствовала себя в безопасности. Посмотрев на него исподлобья, я зло процедила:

– А англичанина вы уже «осмотрели»?

– Кхм, – возведя глаза к потолку, Роман Александрович сложил руки в замок и закинул ногу на ногу. – Нет. Ещё нет.

Большие пальцы его рук неспешно выписывали круги вокруг друг друга.

– Вот и валите тогда, Роман Александрович, туда, откуда явились! – тотчас же хмуро отозвалась я.

– А вот посылать меня ни к чему, – невозмутимо прокомментировал мой выпад мужчина. – Я обязательно навещу его, когда они закончат. А пока у меня есть время для тебя.

Всё моё нутро словно ухнуло обратно на дно холодного колодца, из которого, казалось бы, так успешно выкарабка-

лось.

– Они всё ещё не закончили?.. – мой голос сорвался.

Вопрос повис в воздухе. Наверное, я смотрелась очень глупо, ведь я только что чуть ли не угрожала ему, а теперь вновь готова была забиться в истерику. Однако Роман Александрович не улыбнулся больше и никаких замечаний по этому поводу не высказал. Он отвёл взгляд, неспешно поднялся и, с шелестом запуская ладони в карманы, направился к двери.

– Понял. Я зря теряю время, – наконец отозвался он, бряцнув ключами и отпирая замок. – Я принёс тебе поесть, там на столе. Спокойной ночи.

И он вышел, тихо прикрыв за собой дверь, оставляя меня наедине с самой собой. Кинув взгляд на стол, я действительно обнаружила там тарелку. Брезгливо покривившись, я села на кровать и уставилась на единственный источник света ненавидящим взглядом, словно это он был причиной всего произошедшего.

– Ещё не закончили, – повторила я, рассеянно заламывая руки.

Свет настольной лампы плыл перед моими глазами. По моим подсчётам, уже прошло достаточно много времени, но почему же тогда, почему они до сих пор не оставили его в покое?!

Размахнувшись со злости, я разбила лампу о пол. Если бы я действительно верила в бога, я бы ему помолилась. Но я

знала, что никакие высшие силы сейчас не придут Томасу на помощь.

Ночь прошла как в бреду. Измотав себя морально и физически, я даже не заметила, как под утро заснула. Проснувшись же я тогда, когда сквозь неплотно приколоченные доски на окне уже пробивался солнечный свет. Резко сев в кровати, я растерянно обвела взглядом помещение. «Какие ужасные обои» – в полусонном бреду подумала я, протирая отёкшие глаза руками и запоздало припоминая события вчерашнего вечера. По пробуждению я чувствовала себя слабой и уставшей. Мне ужасно хотелось есть, а ещё больше пить. К моему сегодняшнему сожалению, вчерашний ужин отправился следом за лампой, незадолго до того, как я перешла на мебель. Обняв себя за плечи, я облокотилась о колени и так и сидела, не спеша опускать ноги с кровати в царящий на полу беспорядок.

Вырывая меня из полусонных мыслей, раздался стук в дверь. Я вздрогнула от неожиданности, смутно догадываясь, кто это мог быть. На Романе Александровиче сегодня был белый халат. Зайдя в комнату, он остановился и внимательно изучил масштаб катастрофы. Наконец, впившись пронизательным взглядом в меня, высившуюся над всем этим безобразием, он недовольно вздохнул и прикрыл дверь.

– Ну, и как это понимать? – хрустя битым стеклом, мужчина прошёл к столу и аккуратно поставил небольшой поднос с тарелкой и стаканом.

Уставившись на свои колени, я решила играть в молчанку. Почему-то от его взгляда мне вдруг стало стыдно за последствия своего срыва. Приподняв разломанный стул, Роман Александрович бегло глянул на него и приставил к стене. Подбоченившись, он привалился к краю стола, расстёгнутый халат распахнулся, чуть приоткрывая мне на мгновение притороченную к поясу кобуру. Обнаружившийся под халатом красный свитер смотрелся яркой кляксой в этой комнате, невольно привлекая внимание. Но каждый раз, как мне хотелось взглянуть на него, я старательно отворачивалась.

– Я видел его, – наконец произнёс мужчина.

От этих слов моё сердце понеслось галопом. Словно боясь не успеть спросить, я тут же выпалила:

– Как он?

– Живой, – коротко изрёк доктор.

Он ведь знал. Конечно же, знал, что этого ответа мне было недостаточно! Но прежде чем я заговорила, он вдруг добавил:

– Расскажу больше, если поешь.

Хватанув ртом воздух, я недоверчиво сощурилась.

– Вы не обманываете меня?

Уголки его губ чуть дёрнулись вверх. Не дожидаясь моего согласия, он взял поднос и присел вместе с ним на кровать рядом с моими ногами.

– Кто его так уделал, позволь поинтересоваться?

– Вы издеваетесь?!

– Вовсе нет, – холодно отозвался мужчина, подвигая мне поднос. – Наши по лицу не бьют. Есть куда более интересные и действенные способы...

Потянувшись было за стаканом, я поспешно отдёрнула руку.

– Ты ешь, ешь, – осёкся на полуслове мой собеседник. – В любом случае, всё уже позади. Смысл морить себя голодом? Нам от этого ни жарко, ни холодно, самой себе только вред наносишь.

Мне дико хотелось пить, и я, переборов недовольно ворочающееся внутри чудовище, всё-таки схватила стакан. Роман Александрович тем временем вновь заговорил:

– Вы кого-то встретили по дороге сюда.

Кажется, на этот раз это было утверждение, а не вопрос. Отважившись поймать его взгляд, я задумалась, насколько критично будет упоминать Саню всуе. Серые глаза доктора внимательно изучали меня, словно пытаясь увидеть копошащиеся в моей голове мысли. Наконец я решила, что рассказать о дезертире можно, благо, много ещё Сань ходит по земле. Надеюсь.

– Саней его звали, – туманно отозвалась я. – Встретили на границе. Он недолго сопровождал нас, а потом... – я тяжело вздохнула, – не сошлись характерами, да и разошлись.

– Дядька, что ли? – чуть оживился мужчина.

Я удивлённо уставилась на его слегка подскочившие брови, даже не предполагая до сего момента, что они так могут.

– Да, – слегка опешила я, незаметно для самой себя переходя на «ты». – А ты его откуда знаешь?

– Его тут все знают, – многозначительно хмыкнул Роман Александрович. – Вы Командиру про него рассказывали?

– Упоминали, – припомнила я с некоторым трудом.

Словно смиряясь с какой-то своей мыслью, мужчина задумчиво покивал головой и сцепил руки в замок.

– А что? – любопытствовала я.

– Ничего, – поправил он очки. – Твой завтрак.

– Чего мой завтрак? – не поняла я, сбитая с толку.

– Видишь ли... он всё ещё цел, – словно между прочим напомнил мне спокойно мужчина. – И если ты хочешь, чтобы я ответил на твои вопросы, тебе придётся от него избавиться.

Я недоверчиво покосилась на тарелку, но делать было нечего.

– Ненавижу овсянку, – недовольно пробурчала я, но ложкой тем не менее вооружилась.

Роман Александрович еле заметно ухмыльнулся. Заметив колыхающийся в такт моим движениям порванный рукав, он прокомментировал:

– Я скажу, чтобы тебе выдали новую одежду.

– Не нужно, – сдержанно отозвалась я.

– Нужно, – непререкаемым тоном парировал доктор. – До вечера потерпи, парни растопят баню, хоть помоешься как нормальный человек. А пока можешь морально готовиться,

что пойдём вместе.

Чуть не подавившись едой от такой радости, я как можно деликатнее откашлялась. Не дав мне шанса высказаться, мужчина тут же добавил:

– Тебя, конечно, может сопровождать и Алексеев... Но себе я, честно сказать, больше доверяю. Заодно осмотр проведём.

– А можно меня никто не будет сопровождать?! – вознегодовала я.

– Нельзя, – всё также беспристрастно откликнулся мой собеседник. – Никто из нас ведь не хочет, чтобы ты спалила баню, правда? Я, как посмотрю, – он в очередной раз окинул недовольным взглядом комнату, – у тебя большой деструктивный потенциал. Кто тебя знает, что ты ещё способна вычудить.

Медленно достав из кармана халата небольшую книгу в серой обложке, Роман Александрович погрузился в чтение, незатейливо давая мне понять, что время вопросов закончилось. Наш совместный завтрак продолжился молча.

ГЛАВА 43. ДОКТОР

– Я не могу сказать тебе, – в очередной раз послышалось мне в ответ на вопрос о нашей дальнейшей судьбе. – Это не в моей компетенции. Проще говоря, я не знаю.

– Но они поверили ему?

Доктор сдержанно кивнул, даже не взглянув в мою сторону. Мужчина находился со мной в одном помещении вот уже несколько часов, и ему, ей богу, стоило поставить памятник за терпеливость.

– Я могу его увидеть?

Я не могла не спросить этого. Увидеть Томаса сейчас мне было просто необходимо, чтобы удостовериться, что мне не врут. Пока же я не сильно верила тому, что говорил мне этот назойливый посетитель.

– Пока нет.

– А когда? – настойчиво уточнила я.

– Не могу сказать тебе точно.

– С ним точно всё в порядке?

Даже не помню, в который уже раз я задавала этот вопрос в разной его интерпретации, в надежде вытянуть обещанные мне ещё перед завтраком «подробности». Всё это походило на какую-то очень несмешную игру. Вроде как что-то произошло, но на все мои вопросы я получала односложные ответы, не несущие в себе никакой новой информации.

– Ни единой царапины. И вон там, в углу ещё подмети, – настоятельно посоветовал мне Роман Александрович. – Я готов провести с тобой хоть целый день, пока ты не приберёшь весь этот бардак. Мне некуда торопиться.

Наше очередное словесное противостояние было временно завершено. Следовало сделать перерыв и немного поработать физически, чтобы собеседник потерял бдительность.

Вокруг вновь запахло пылью. Кажется, в этой комнате действительно давно никто не жил.

– И чем же я обязана такому вниманию? – недовольно пробурчала я себе под нос, резкими движениями веника сметая мусор в одну кучу.

– Новые люди у нас появляются нечасто, – отозвался Роман Александрович, пристроившийся возле выхода на стуле. – Разнообразить общение тоже иногда не помешает...

Принесённый им откуда-то стул выглядел крепким, такой бы у меня сломать вряд ли получилось. Закинув ногу на ногу, доктор листал какую-то тетрадь, внимательно изучая содержимое. Скинув свой халат, он вновь резал глаз ярко-красным свитером, который действовал на мои расшатанные нервы исключительно раздражающе.

– К тому же, если бы я оставил эту обязанность тому, кому ты первоначально была поручена, про тебя бы не вспомнили до следующего дня. У них тут дел и без того хватает. Только я вот, – он хмыкнул, – условно свободен.

– Условно свободен? – скептически повторила я за ним, прикидывая, что у доктора, должно быть, в нынешних условиях дел хоть отбавляй.

– Не боевая единица. Из этого дома я выбираюсь редко и лишь по очень весомым поводам, – не отрываясь от чтения, деловито пояснил мой собеседник. – Многим это не нравится – ну, да и чёрт с ним. Меня другое совсем интересует...

Стекло звонко перекатывалось по полу, слегка поблёски-

вая в слабом свете, что лился из неплотно заколоченного окна.

– С кем у вас война?

– Со всеми, – неожиданно честно признался мужчина, оторвавшись от чтения. – После диверсий в эвакуационных лагерях никто больше никому не верит. Те, кто спасся, сбились в группы «по интересам» и теперь пытаются обустроить жизнь по-своему. Естественно, что конфликтов зачастую не избежать. Среди нас большинство – бывшие военные, нам проще соблюдать нейтралитет по праву сильнейшего, нас бояться. Пытаемся налаживать отношения с другими и держать связь. Собственная субординация, честно сказать, иногда трещит по швам, но пока жив Командир... всё будет незыблемо.

– Что за диверсии? – заинтригованно спросила я, так и застыв с веником посреди комнаты.

– Говорят, источники воды были заражены. Эвакуированные жители, армия – все пили эту воду. А дальше... кому-то повезло больше, а кому-то меньше.

– Но, – уставившись на своего собеседника, я нахмурилась, – кто мог сделать такое?! Зачем? Для чего?

– Неизвестно, – скучаяще ответил Роман Александрович, задумчиво теребя клетчатую страницу. – Поэтому-то все и перекладывают вину друг на друга, строят бесконечные догадки. По мнению гражданских – виноваты военные, правительство, президент, Масонская ложа, ну и так далее по

списку. Чуть ли не пришельцы с Марса. До абсурда доходит иной раз...

– А американцы?

– Американцы в первую очередь, – одобрительно ухмыльнулся мужчина.

– Разработанное кем-то биологическое оружие, или всё же уже существовавший вид?

Мужчина не ответил мне и вновь уткнулся в тетрадь в смутно знакомой синей обложке. Однако, решив не уходить далеко от темы разговора, я нетерпеливо поинтересовалась:

– А что думаешь ты?

– Я не знаю, – помотал он головой. – Разве можно кого-то обвинять столь голословно?

– Даже пришельцев? – улыбнувшись, не удержалась я.

Роман Александрович поджал губы, тщетно подавляя улыбку.

– Даже их, родимых...

Кажется, лёд тронулся. Облизнув пересохшие губы, я навострила уши.

– Ты знаешь, как передаётся вирус? – сыграла я в дурочку.

Но моя хитрость не сработала. Поправив очки, мужчина поднял на меня полное серьёзности лицо. Зрительный контакт длился довольно долго, и я не могла нарушить воцарившуюся тишину, у меня словно язык к нёбу примёрз от исходящей от него холодности.

– Вот ты взрослая, умная девушка, – медленно прогово-

рил он. – Неужели непонятно, что не на все твои вопросы я могу ответить? Я не могу тебе ничего рассказать. И дело даже не в том, что не обладаю какими-либо знаниями, а в том, что мне запрещено выдавать тебе тайные сведения. Даже несмотря на то, что ты уже многое поняла сама.

Вновь обратив внимание на тетрадь, я досадливо поморщилась, различая свой почерк. Значит, всё-таки не показалось – это действительно был мой дневник.

– Откуда у тебя мои записи? – процедила я. – Отдай!

Я требовательно вскинула руку и замерла, не договорив, запоздало осознавая, что требовать от него что-либо было несколько бесполезно в моем положении. Вспышка возмущения, рвущаяся наружу, начала назойливо пульсировать в моей голове. Я стиснула ладонь в кулак, стараясь удержать себя в руках, но сердце уже предательски забилося, всё гоняя и гоняя разгорячённую кровь по моим сосудам.

– Командир передал это мне, попросил разобраться, – спокойно пояснил доктор, разглядывая меня поверх очков. – Я изучу и верну. Обещаю.

Моё лицо сперва побледнело, а затем неминуемо покраснело, когда я припомнила, что туда в последнее время записывала помимо своих «научных» изысканий. После того, как мне пришлось полностью переписать утраченный дневник, я позволила себе слишком много вольности в повествовании. Мне стало дурно. Я сделала пару несмелых шагов по направлению к своему надзирателю, чтобы увидеть, на каком месте

моих записей он остановился. Веник выпал из моей руки и глухо шлёпнулся о пол.

– Не читай! – довольно резко попросила я, не осмеливаясь подойти и вырвать тетрадь из его рук.

Озадаченный мужчина взглянул на меня с подозрением.

– То, что там написано, не касается ни тебя, ни кого бы то ни было ещё! – я быстро-быстро глотала новые порции кислорода и чувствовала, как у меня подкашиваются ноги.

Меня повело. Перед глазами стремительно поплыл красный свитер, а удивлённое лицо доктора и вовсе потеряло чёткость. Нужно было присесть на кровать... Тяжело дыша, я сделала пару шагов назад и тут же сложилась пополам. Меня вырвало фактически желчью и тем, что ещё не успело перевариться с недавнего приёма пищи. Посчитав счастливой случайностью то, что я всё ещё стою на ногах, я поначалу не заметила удерживающих меня рук. Роман Александрович помог мне добраться до кровати. Упав на жёсткий матрас, я быстро повернулась на бок, чтобы при случае край кровати был в максимальной доступности.

Доктор, слегка обескураженный произошедшим, осторожно склонился надо мной и, взяв меня за руку, померил пульс.

– С тобой раньше такое происходило? – быстро спросил он, ощупывая мой лоб сухой тёплой ладонью.

Я подняла на собеседника удручённый взгляд.

– Это всё овсянка виновата, – слабо проворчала я, пре-

красно понимая, что овсянка здесь, скорее всего, ни при чём.

Роман Александрович замер, внимательно посматривая на меня исподлобья.

– Сколько по времени тебя уже тошнит? – последовал вопрос из разряда «не в бровь, а в глаз».

– Да всего-то пару дней, – неохотно отозвалась я, отворачиваясь.

Холодный взгляд мужчины никак не располагал к откровениям. От его близкого присутствия мне становилось очень неудобно и даже боязливо.

– Ты съела просроченную еду? – предположил он, слегка прищуриваясь.

– Не угадал.

– Я просто надеялся, что ты скажешь «да», – тут же прокомментировал мужчина.

– Я бы тоже хотела сказать «да», – мрачно поддержала я его, прикрывая глаза рукой и растирая переносицу.

«О, Великий Всемогущий разум, как стыдно... Почему в этом так стыдно признаваться?!»

Доктор молча присел на край кровати рядом со мной, сцепил руки в замок и задумчиво возложил на них острый подбородок. Поразмыслив о чём-то своём, он вдруг крайне серьёзно спросил, не глядя в мою сторону:

– Ты представляешь, каково тебе придётся?

– Представляю, – на «отвяжись» ответила я сдавленно.

– Нет, сдаётся мне, не представляешь, – уже по привычке

парировал он и тяжело вздохнул.

Тем временем меня в очередной раз вывернуло на только что подметённый мною пол. Мужчина совершенно невозмутимо собрал мои волосы и поднял их с лица. Упираясь дрожащими руками в край кровати, я чувствовала себя такой ослабшей и беспомощной, что хотелось плакать. Я ужасно злилась на себя, и лишь это, пожалуй, удерживало меня на грани. Дождавшись, пока мне станет чуть лучше, Роман Александрович наконец нарушил воцарившееся молчание:

– Я схожу, возьму тебе воды, узнаю, как там дела, и быстро вернусь. Пока не вставай.

Поднявшись, он спрятал руки в карманы брюк и быстро пошёл к двери. Мой лоб покрылся неприятной испариной, во рту гулял кислый привкус, но свешиваться с кровати больше не тянуло, и я смогла облегчённо выдохнуть. Доктор уже открыл дверь, когда я вдруг подала голос.

– Ром, с ним точно ничего не сделали? – спросила я вдогонку.

Мой голос прозвучал так громко в этой напряжённой пустоте комнаты, что мне даже показалось, будто плечи мужчины чуть вздрогнули от неожиданности. Обернувшись, он недовольно нахмурился.

– Ты правда хочешь, чтобы я сейчас в подробностях расписал тебе, как провёл эту ночь дорогой тебе человек? Это что, какая-то особая форма мазохизма?

Я вынуждена была проглотить вертевшиеся уже на языке

слова и виновато потупить взгляд. Он был прав. Мягко закрылась дверь, давая мне время обдумать, что действительно стоило спросить у этого человека по его возвращению. На стуле возле выхода лежала моя тетрадь, но встать и забрать её у меня не было ни сил, ни желания. По-прежнему не решаясь лечь на спину, я смотрела на дверь из-под приоткрытых век и решала, что делать дальше. Конечно, можно было дожидаться у моря погоды и сидеть здесь взаперти, пока не выпустят. Но у меня не было на это времени. Стоило придумать план...

Доктор вернулся неожиданно быстро, и в руках у него, помимо обещанной им воды, была аккуратная стопка одежды.

– Ну, что, живая? – поинтересовался он, протягивая мне стакан. – У меня для тебя хорошая новость.

Поспешно приподнявшись, я жадно опустошила половину стакана и обратилась в слух.

– В баню идём сейчас. Это, – он уложил принесенное им бельё на кровать. – Твоя новая одежда.

– А где хорошая новость? – с призрачной надеждой спросила я, стискивая пальцами плотное толстое стекло и с недоверием посматривая на оставшуюся открытой дверь.

Не подыграв мне, мужчина отошёл, подхватил-таки мою тетрадь со стула и по-хозяйски согнул её в руках.

– На выход, – бескомпромиссно скомандовал Роман Александрович, приглашающе распахнув дверь.

Пораскинув мозгами, я решила взглянуть на ситуацию с

другой стороны и подчиниться. Помыться я мечтала давно, а на компанию, если подумать, мне было теперь фиолетово. Даже лучше, что рядом будет кто-то, способный присмотреть за мной в подобном состоянии.

Вновь я переступила этот порог, втайне надеясь, что больше никогда не окажусь здесь. Деревянная лестница еле слышно поскрипывала под нашими шагами. Всё здесь ощущалось почему-то по-другому, не так, как вчерашним вечером, когда меня тащили наверх волоком. Хорошо работало освещение, в помещениях было тепло, и даже, к моему удивлению, отсутствовал запах сырости и затхлости. Здесь было, не побоюсь этого слова, уютно. Дом словно был наполнен жизнью, но при этом чуть осторожничал со своими новыми хозяевами.

– Как ты оказался здесь? – непрошенно влетел в мою голову вопрос, пока мы шли к выходу сквозь широкий коридор.

Мягкий ковёр пружинил под ногами, заглушая наши шаги.

– Как выйдем – нам налево, – кратко отозвался доктор.

Я прикусила язык. Наверное, это было слишком самонадеянно с моей стороны. Уж кто-кто, а Роман Александрович точно не располагал к дружеской беседе. Невольно посмотрев в сторону комнаты, в которой вчера проводился допрос, я вынуждена была не останавливаться и шагать дальше. Прижав чистую одежду к груди, я медленно перевела дыхание, успокаиваясь. Вряд ли Том был до сих пор там. В доме

нам никто не встретился, но ещё на подходе к входной двери я услышала какой-то непонятный мне шум, доносящийся с улицы.

Когда мы вышли на крыльцо, меня сразу же обдало холодом. После нагретых помещений я в полной мере прочувствовала на собственной шкуре, что на дворе уже осень, и поспешно вжала голову в плечи. Судя по звукам, где-то за плотными постройками работала болгарка. На ступенях сидел неизвестный мне парень казахской внешности, с коротким ёжиком чёрных волос. В руках у него был зажат нож и какая-то толстая, обточенная на конце палка. Встретив и проводив нас заинтригованным взглядом, он, однако, промолчал и вновь принялся срезать тонкие полоски древесины, бросая их себе под ноги.

– ...а когда наступит этот день, будет уже поздно! – прокатилось вдруг по двору.

Вздвогнув от неожиданности, я остановилась на гравийной дорожке. В нескольких метрах от меня стояла сгорбленная фигура в сером махровом платке. Женщина стояла ко мне спиной и размашисто жестикулировала. Одея она была так, словно на дворе уже был как минимум декабрь.

– Голодные твари оторвут вам ноги, раздерут вам животы и сожрут ваши кишки! – продолжал вопить довольно грозный старушечий голос. – Но так вам и надо! Вы все подохнете, как и те, что уже лежат в могилах, там, на пустыре!..

– Не слушай, – мягко подтолкнул меня в плечо доктор. –

Она сумасшедшая.

Я обернулась на него с абсолютно круглыми глазами и прошептала, боясь привлечь к себе лишнее внимание.

– Что она здесь делает?!

– Живой человек, – неопределённо повёл плечом мужчина. – Не выгонять же нам её за периметр...

– Вы – дети дьявола!!! – завопила женщина на весь двор, потрясая кулаками в воздухе.

– Идём, – уже более настойчиво попросил меня Роман Александрович, хмурясь.

Опасливо оглядываясь на раздающуюся за моей спиной проповедь, то и дело перемежающуюся отборными матами, я добралась-таки до бани. Заострив внимание на сумасшедшей старухе, я даже забыла осмотреть двор и хоть как-то изучить местность вокруг.

– И давно она живёт здесь? – не удержалась я от вопроса, стаскивая с себя грязную одежду и аккуратно складывая её на деревянной лавке несколькими минутами позже.

В бане было тепло и влажно, от стен упоительно пахло деревом и смолой. От этого запаха у меня просто голова пошла кругом! Я готова была ощутить себя самым счастливым человеком во вселенной, если бы не многочисленные «но», то и дело услужливо всплывающие в голове.

– Довольно давно, – отозвался мне скучающий голос доктора из предбанника.

Внутренних дверей здесь не наблюдалось, поэтому и за-

крыться у меня возможности не было. Покрывив душой и понадеявшись на порядочность Романа Александровича, скрытого от меня стеной, я разделась.

– А вам никогда не хотелось от неё избавиться? – на полном серьёзе спросила я. – Это же такая страшная деморализация для всех, кто живёт здесь!

– Может, и хотелось кому-то, – вздохнул доктор. – Но мы ведь не Раскольниковы. А рот ей ничем не заткнёшь, шизофрения. Да и запирать старую женщину, которой и так осталось жить недолго, не по-человечески как-то.

Обычное мыло пахло просто божественно! Тепло, горячей воды вдоволь... Даже не помню, когда я в последний раз с таким блаженством мыла лицо. Ни о чём не думая, я полностью отдалась процессу.

– Значит, ты была в норе, – вдруг вырвал меня из счастливого забытья любопытствующий голос мужчины. – Занятно.

Запоздало вспомнив, что моя тетрадь всё ещё у него, я издала протяжный стон.

– Тебе плохо? – тут же послышалось из-за стены.

– Нет, – выдавила я сквозь зубы. – Всё... в порядке!

Кажется, доктор неплохо там устроился и скрашивал времяпрепровождение лёгким чтивом. Я то и дело слышала шелест тетрадных страниц, мастерски скрывающихся за плеском воды, и всё больше мрачнела. Взвесив в руке ковшик, я подумала о том, как было бы неплохо оприходовать им моего надсмотрщика по голове. Но, боюсь, против вооружённо-

го мужчины эмалированный ковш являлся слабым аргументом.

– Ты закончила? – деловито поинтересовался Роман Александрович, как только звуки моей деятельности стихли. – Я могу войти?

Стоя спиной к выходу, я замерла, всё ещё силясь распутать сеть мокрых волос.

– Ты можешь... что? – смущённо уточнила я, не сразу вникнув в суть вопроса и различив приближающиеся шаги.

Мужские руки сцепились на моих плечах, и я чуть ли не подпрыгнула от внезапности. Взгляд метнулся к оставленному на лавке ковшику – слишком далеко, я не успею дотянуться. Я мелко задрожала от злости и подкатывающего к горлу стыда. «Убью, – мелькнуло в моей голове. – Пусть только попробует!»

– Я не причиню тебе вреда, успокойся, – как ни в чём не бывало попросил меня доктор. – Что со спиной? Тебя избили?

– Нет, – поспешно выпалила я, стискивая кулаки и быстро соображая, как действовать в этой ситуации. – Неудачно упала.

– Неудачно упала, – задумчиво повторил он за мной, откидывая влажные волосы со спины. – Очевидно, многократное количество раз – у тебя вся спина в гематомах, – неодобрительно констатировал факт Роман Александрович. – Так, посмотрим...

Его ловкие пальцы пересчитали мои позвонки, а затем прошлись по рёбрам. Где-то в середине процесса я ойкнула и попыталась отстраниться, но он удержал меня и нарочно прошёлся по этому месту ещё раз. Боль так ярко разлилась по спине, что мне пришлось стиснуть зубы.

– Сделай медленный глубокий вдох, – попросил мужчина, держа меня обеими руками. – А затем выдохни.

Послушно выполнив всё, что он просил, я замерла, чувствуя, как его тёплые руки деликатно изучают каждый сантиметр моей спины, хирургически точно находя самые болезненные участки.

– У тебя сломано ребро, – наконец констатировал он. – Я ничего не смогу сделать, оно уже срастётся так, как сместилось.

– Это опасно? – невольно поинтересовалась я.

– Не думаю. Если ты до сих пор на ногах и у тебя это не вызывает особого дискомфорта – всё обошлось. Я подумаю, как могу помочь тебе с этими болезненными ощущениями... Что-нибудь ещё беспокоит?

Я отрицательно помотала головой. Кажется, того факта, что меня укусили, он так и не заметил или же просто не придал значения. Что ж, я не собиралась заострять его внимание на этом.

– Странно... У тебя тёплые руки, – как можно безобиднее сказала я.

Повисла неловкая пауза, прежде чем я услышала за своей

спиной снисходительную усмешку:

– А какими они должны были быть?

– Холодными, – смущённо призналась я. – Я думала, что они будут холодными.

– Я сделан из того же мяса, что и ты, – его замершие на мгновение пальцы соскользнули с меня. – Почему это я должен быть холоден?

Почувствовав, что он отстраняется, я сделала маленький шаг назад, прижимаясь к его груди. Не знаю, как у меня хватило смелости сделать такое. Даже голова закружилась от собственной наглости: «Что ты делаешь, идиотка?! Разве не этого ты боялась?!» Но я стоически подавила свой внутренний вопль. Мужчина замер. Мягкие осторожные руки почти сразу вновь коснулись моих голых влажных плеч. По спине пробежал неприятный липкий холодок. Прикосновения были еле уловимыми, но поразительно уверенными. Они скользнули по моим рукам и довольно быстро перебрались на талию.

Инстинктивно стиснув ноги, я мучительно выдохнула и коснулась ладонями его бёдер. Холодная пряжка ремня недвусмысленно вдавилась в мою поясницу. Меня переполняло чувство омерзения к себе и своим действиям. Я плотно сжала губы, чтобы не выдать себя, когда мягкие пальцы моего надзирателя подобрались к груди.

Несмотря на то, что доктор был единственным человеком, кто хоть как-то заботился здесь обо мне, сейчас я его просто

ненавидела. Потому что он не отстранился и не остановил меня, согласился – стоило лишь только предложить! Моему мрачному торжеству не было предела. Кровь гулко пульсировала в голове, но я продолжала повторять про себя как мантру, что этот шаг был действительно необходим. Терпение! Медленно скользнув руками вверх по бёдрам мужчины, я наткнулась на жёсткий ремень. Спокойно, не вызывая подозрения. Ещё секунда и...

Роман Александрович резко перехватил мою руку, уже готовую вытащить пистолет из кобуры. Сердце испуганно ёкнуло и оборвалось. Не сдержавшись, я разочарованно охнула.

– Это было слишком очевидно, тебе не кажется? – спокойное размеренное дыхание коснулось моего уха.

Досадливо прорывав, я попыталась вырваться, но он жёстко зафиксировал меня в своих «объятиях», и моя попытка провалилась.

– Стой! Стой-стой-стой... – заговорщицки понизил он голос до шёпота, до боли стискивая моё запястье, вцепившееся в пистолетную рукоять. – Семнадцать патронов в магазине. На базе нас сейчас двадцать три человека, включая меня. Даже при условии, что ты стреляешь как снайпер, в чём я сомневаюсь, на всех не хватит.

Обречённо опустив голову, я шумно выдохнула ртом. Деревянные доски пола были всё ещё покрыты водой с мыльными разводами. Капля за каплей она стекала в подпол

сквозь щели, из которых по ногам веяло прохладцей. Рядом с моими голыми бледными ступнями стояли чёрные мужские ботинки, вычищенные до блеска. Почему-то это зрелище ужаснуло меня так, что даже дыхание спёрло.

– Позволь спросить, а ты когда-нибудь в своей жизни вообще стреляла в людей? – практически касаясь губами моего уха, спросил он. – Не в зомби. В обычных, живых людей.

Предприняв ещё одну безуспешную попытку вырваться, я сдавленно рассмеялась от осознания ничтожности своей отчаянной выходки. Заведённая за спину рука начинала неприятно затекать.

– Я полагаю – нет. Ну, что ж... Если же ты всё равно настроена рискнуть и взвалить такой груз себе на душу – у меня для тебя есть дружеский совет: оставь пару патронов для себя и своего англичанина. Ибо, когда Командир узнает о произошедшем, вам будет проще застрелиться самим. С базы вам живыми не выбраться.

Сердце билось где-то у самого горла.

– Кстати, – словно между прочим заметил доктор, без труда заламывая мне перехваченную руку и не позволяя наклониться вперёд, вызывая тем самым притупленную боль в плече. – Неприятно, правда? Ты когда-нибудь слышала про попытку неудобной позой? Скажи, сколько бы ты смогла простоять вот так? Час, два или три? А смогла бы простоять до следующего утра лицом к стене?

Я молчала, догадываясь, к чему он завёл этот разговор.

– Лишение сна, пищи и воды, сенсорная депривация, попытка водой – знакомые словосочетания? Идеальные методы дознания, не оставляющие никаких явных следов насилия на теле. Так что я не лгал тебе – на нём нет ни единой царапины.

Его пальцы неожиданно разжались, позволяя мне при желании вытащить пистолет из кобуры. Судорожно сглотнув, я так и не решилась сделать этого, просто опустив саднящую руку.

– Надеюсь, ты поняла, что это была плохая идея? – холодно уточнил напоследок Роман Александрович. – Ответь мне.

Покрывив душой, я выдавила из себя сквозь слёзы и плотно стиснутые зубы:

– Да.

– Настоятельно не советую тебе шутить так с кем-либо ещё. У ребят очень туго с чувством юмора, – процедил он, уходя обратно в предбанник. – Одевайся.

Больше мы не обмолвились ни словом. Оказавшись под серым безрадостным небом, я шла, потеряв всякую надежду на то, что когда-нибудь моя судьба будет зависеть лишь от меня самой. Я уже видела, как меня снова заводят на второй этаж и запирают в одиночестве. Ничего не объясняя и ничего не обещая. Сколько продлится моё заточение? Чем оно закончится? А не всё ли равно мне теперь?

Мои мысли прервало неожиданное препятствие на пути. Смотря себе под ноги, я чуть не столкнулась с невысокой фигуркой, одетой в просаленное тряпье. Старуха раззявила

беззубый рот и, словно не решаясь излиться очередной речью, возмущённо шамкнула тонкими губами.

Вознамерившись обойти неприятную помеху, я старалась даже не смотреть в её сторону. Но мутноватые голубые глаза пожилой женщины, обрамлённые десятками глубоких морщин, с удивлением тарасились прямо на меня, и это трудно было проигнорировать. Наконец она вынесла свой вердикт:

– Ах, ты шлюха! Проститутка!!!

Шарахнувшись в сторону от обезумевшей бабки, я врелась в доктора. Откуда-то со стороны забора послышался звонкий мужской гогот.

– И ты сдохнешь! Вперёд всех сдохнешь, прислужница Сатаны!..

Стараясь как можно быстрее увеличить расстояние между мной и этой шизофреничкой, я чуть ли не побежала к знакомому крыльцу. Казах, уже отставив палку в сторону, неожиданно улыбнулся мне.

– А ты ей понравилась, – рассмеялся он. – Он как, озадачилась! Чуть ли не глаза на лоб полезли!.. Эй! Да куда же ты? Подожди!

Я забежала в дом быстрее доктора, стараясь не вслушиваться в то, что вопила мне вслед старуха. Её голос вселял в меня панику, и мне казалось, что я сама сейчас могу легко потерять рассудок, вслушиваясь в её речь и даже находя в ней смысл.

Роман Александрович неторопливо зашёл следом и плот-

но прикрыл за собой дверь.

– Испугалась? – спросил он.

Увидев его силуэт, я вжалась в стену полутёмной прихожей и прикрыла ладонью предательски подрагивающие губы. Мужчина смерил меня взглядом.

– Ты продержалась в одиночестве целое лето, смогла выбраться из норы, дралась врукопашную с заражённым, но испугалась обезумевшей старухи? – осведомился он, угрожающе нависая надо мной. – Или меня?

Он внимательно изучал моё лицо, словно пытаюсь понять, насколько близок к правде. Сжавшись в один напряжённый комочек, я была готова ожидать от него чего угодно.

– Давай забудем о том, что произошло, – вдруг тихо сказал он. – Спишем всё это на твои гормоны.

– Ты обещал... – слабо забормотала я.

– Ты сама вынудила меня, – жёстко оборвал он мою речь. – Веди себя пристойно в чужом доме, и ни один наш человек и пальцем к тебе не притронется. Не соблюдаешь правила – пеняй на себя. Всё очень просто.

Он отошёл к противоположной стене и аккуратно приоткрыл одинокую дверь.

– Следуй за мной.

Заглянув в проём, я увидела, как он не спеша удаляется от меня по пристроенному переходу.

– Ну же, идём, – кинул он через плечо.

Обернувшись по сторонам, я нерешительно переступила

порог двери, которой здесь явно не должно было быть.

– В одном здании нам было тесно. Мы объединили три жилых дома переходами, – пояснил он чуть позже, открывая передо мной ещё одну дверь. – Чтобы не нужно было выходить на улицу каждый раз, как приспичит заглянуть в медблок, на кухню или к Командиру. Очень экономит время и место. Мы обосновались здесь достаточно давно, чтобы понять, что лучшей стратегической точки нам не найти, так что строимся на совесть. Готовимся к зиме.

Здесь всё было по-другому. Старый, но добротный паркет поскрипывал под нашими ногами. Стены были обиты плотной узорчатой тканью, совсем не похожей на обычные обои. Узкий коридор наполняли приглушённые звуки, залегающие сюда из соседних помещений. Свернув за угол, мы наткнулись на явно скучающего парня, привалившегося к дверному косяку. Завидев нас, он выпрямился и довольно кисло улыбнулся. Вид у него был помятый и заспанный, даже волосы торчали в одну сторону, будто его корова лизнула.

– Ну, здравствуй-здравствуй, – по-свойски пожал он руку доктору. – Наконец-то...

Но тут он увидел меня, и лицо его удивлённо вытянулось.

– Ром, – взглянул он с укором. – Вообще-то...

– Я знаю, – холодно отозвался мужчина, вновь протягивая тому руку. – Ключи дай.

– Если мы из-за тебя попадёмся...

– Командир давно уехал? – быстро перебил его Роман

Александрович.

– Минут пятнадцать назад. Но...

– А приказ был?

– Приказа не было, – растерянно доложил парень.

– Ключи. Ты попусту сотрясаешь воздух и тратишь время.

Человек недовольно хмыкнул, но требуемое отдал.

– Чего морда такая кислая? – вдруг слабо улыбнулся Роман Александрович, ковыряя в замочной скважине ключом. – Приказ не пускать был?

– Не было, – недовольно признался парень.

– Я работу свою делаю?

– Делаешь.

– Вот и всё. Иди, перекури.

Сдержанно хлопнув товарища по плечу, Роман Александрович отворил дверь, жестом приглашая меня войти первой. Настороженно обернувшись на собравшихся, я шагнула на светлый кафельный пол. Это помещение, очевидно, когда-то было кухней, но его переделали под иные нужды.

Не успев даже как следует осмотреться, я заметила в комнате знакомое лицо. Губы невольно дрогнули и вытянулись в улыбку.

– Том!

Сорвавшись с места, я свалила с края стола какие-то инструменты и порывисто обняла его. Англичанин опасно качнулся, но устоял под моим напором. Уткнувшись носом в мужскую грудь, я глубоко вдохнула его тепло.

– Я не ожидал тебя здесь увидеть, – ошарашенно признался он. – Как дела, чудовище?

ГЛАВА 44. СДЕЛКА

Меня шатало. Точнее сказать, шатало Тома, а я качалась с ним за компанию. Я поздно сообразила, что он с трудом стоит на ногах, и теперь мне было немного стыдно за свой душевный порыв. Затаившись, я некоторое время прислушивалась к состоянию своего спутника, пытаюсь угадать, стоило мне отпускать его или ещё нет. На нём, по всей видимости, не было наручников, но обнять он меня почему-то не спешил.

Доктор закрыл дверь на замок изнутри и побренчал ключами, закидывая их в карман. Недовольно осмотрев сотворённый мною беспорядок, он разочарованно цокнул.

– Скальпель, – обратился он к нам.

Я непонимающе хлопнула глазами, но по гнетущему молчанию Томаса довольно быстро сообразила, в чём тут дело.

– Я жду, – Роман Александрович снял очки и устало сжал переносицу.

Серебристый прибор, звякнув, упал к нашим ногам.

– Два сапога пара, – с укором заметил доктор и вновь перешёл на английский. – Кажется, я просил тебя не вставать. Но я рад, что тебе уже лучше.

По доктору сложно было угадать, так ли уж он этому рад

на самом деле. Лицо мужчины было непроницаемым, и я не всегда могла уловить его истинную эмоцию.

– Зачем ты привёл её? – довольно мрачно озвучил волну-ющий нас обоих вопрос Том.

Роман Александрович неспешно водрузил очки обратно на нос и слегка пожал плечами:

– Мне показалось это хорошей идеей, – его руки нырнули в карманы. – Однако если тебе не нравится её присутствие, я могу отвести её обратно.

– Нет, – поспешно выпалила я, поймав на себе его испытывающий взгляд. – Я хочу остаться здесь!

Том молча обхватил меня за плечи. Не дождавшись возражений, доктор принялся нерасторопно собирать сваленные инструменты.

– Как ты помнишь, мы договорились исправить шов на твоём плече. Думаю, твоя спутница не будет против того, что я избавлю тебя от последствий её вольного творчества.

Я насупилась. Да, «творчество» было действительно вольным. Но на тот момент это было лучше, чем ничего.

– Меня всё устраивает, – сухо отозвался англичанин.

– Дело не в том, устраивает тебя это или нет. Совместимо ли оно с жизнью – вот главный критерий, – назидательно продолжил Роман Александрович. – Сшивать живого человека без должного опыта и обычными нитками – это крайне жестоко. Рана уродлива, воспалена, и ничего хорошего от неё ждать не стоит.

Залившись краской я, однако, не могла не согласиться с прозвучавшими словами. В свете последних событий я совсем позабыла, что должна была следить за всем этим, а Том не имел привычки жаловаться мне на своё самочувствие.

– Он прав, – тихо поделилась я своими мыслями с Томасом, отстраняясь и растерянно теребя его одежду. – Из меня тот ещё...

– Я не доверяю тебе, док, – отрезал Том, даже не обратив на меня внимания. – Где гарантия, что ты не сделаешь мне хуже?

– Это не в моих интересах, – спокойно отозвался Роман Александрович, унося инструменты в дальний угол комнаты. – Я лишь хочу помочь.

– Ты привёл её сюда, чтобы завоевать моё или её доверие? – предположил мужчина, и я почувствовала, как его грудь широко раздаётся в стороны.

Помедлив, Роман Александрович обернулся:

– Нет, не ради этого. Честно говоря, мне плевать на ваше доверие. Я всего лишь делаю свою работу.

Томас утробно рыкнул, с силой изгоняя воздух из лёгких.

– Посмотри на неё, – зло процедил он. – Она же напугана! Моё сердце тревожно зашлось от его тона.

– Ты думаешь, я поверю тебе? – англичанин повысил голос, мягко отстраняя меня в сторону. – Что ты с ней сделал?!

Широко шагнув, он пошатнулся, но устоял на ногах, вовремя схватившись за край стола. Стол жалобно скребнул

ножками по кафелю, но выдержал. Том постарался выпрямиться и держаться ровно, но был слишком физически измождён для этого. Я чувствовала его злость – она была практически осязаемой. В уголках глаз доктора собрались мелкие морщинки:

– Ничего, – он подошёл ближе, и за холодной маской я увидела еле уловимую улыбку, адресованную скорее мне, чем англичанину. – Это не должно тебя беспокоить.

Кажется, Томасу не понравился такой ответ. Но прежде чем я успела остановить его, рука доктора незамедлительно нырнула вниз. Мой слух настолько обострился, что я, кажется, услышала, как мягко щёлкнул предохранитель.

– Сядь на стул, – спокойно попросил Роман Александрович. – Поверь, я не хочу, чтобы события развивались именно так.

Англичанин помедлил. На его лице застыл гнев, смешанный с отчаянием. Он тяжело и часто дышал, уже готовый броситься вперёд. Хорошо, что ему до сих пор хватало ума оставаться на месте. Мои же ноги попросту приросли к полу. Я так и не смогла выдавить ни слова, а лишь отстранённо наблюдала, как пистолет перемещается в мою сторону.

– Я сказал – садись, – чуть раздражённо повторил мужчина. – Зачем ты вынуждаешь меня делать это?

Том с готовностью сделал тяжёлый шаг в сторону и заслонил меня собой.

– Сволочь, – мрачно заключил он, расправляя плечи и да-

ря доктору презрительный взгляд. – Как низко нужно упасть, чтобы из человека, спасающего жизни, превратиться в палача?

– Ба! – не сдержавшись, ухмыльнулся доктор. – Какие высокопарные речи. Ты переигрываешь, Томас.

Он опустил пистолет и, не особо спеша или боясь чего-либо, подошёл ещё ближе. Том стоял на ногах благодаря лишь своему упрямству, вряд ли он был сейчас способен обезоружить доктора или хоть как-то существенно навредить ему на самом деле. Роман Александрович тем временем провернул в руке пистолет и протянул его мне. Англичанин нехотя посторонился и непонимающе нахмурился, переводя взгляд с доктора на меня.

Я опустила лицо в пол и побледнела. Дрожащей рукой обхватила холодную рукоять оружия, чувствуя, как наши с доктором пальцы на секунду соприкасаются. От волнения у меня даже пересохло в горле.

– Можешь выстрелить в меня, если я сделаю мистеру Стэнсбери что-то не так, – любезно предложил мне Роман Александрович и отступил.

«Он ведь знает, что я не выстрелю» – подумалось мне, но я согласно кивнула, чтобы поддержать это представление. Том некоторое время просто смотрел на меня и выжидающе молчал. Наверное, он думал, что я тут же возьму доктора на прицел и потребую проводить нас к выходу, но я вынуждена была разочаровать его.

– Тин, надеюсь, ты объяснишь мне, что происходит? – наконец в замешательстве подал он голос.

– Он присматривал за мной всё это время и даже привёл сюда. Думаю, – я помедлила, неуверенно взглянув на доктора, – мы можем ему доверять.

Кажется, Роман Александрович остался доволен моим ответом, пусть и не сдержал призрачной ухмылки. «Врать и недоговаривать – интересно, это одно и то же?» – мрачно озадачил меня мой внутренний голос.

– Тебя запугали? – продолжал стоять на своём Томас, всё же стушевавшись. – Скажи, если я не прав! Тин, что с тобой произошло, пока мы были порознь?

Взяв меня за плечи, он прищурился. Его губы приоткрылись, словно он желал спросить меня ещё о чём-то более конкретном, но решил повременить.

– Всё в порядке, – слабо ответила я, невольно отводя глаза. – Ничего сверхъестественного не произошло.

– Умоляю, не ври мне...

Тяжесть пистолета приятно оттягивала руку, но я не могла себе позволить им воспользоваться.

– Она разгромила любезно предоставленную ей комнату, испортила личное имущество и моё моральное здоровье, – внезапно пришёл на помощь Роман Александрович. – Кстати, стоило упомянуть, что она беременна. Я бы был более подготовлен к таким гормональным катастрофам.

Поморщившись от непрошенных пояснений, Томас на до-

лю секунды сжал мои руки.

– Это правда?

Я понуро кивнула, всё ещё старательно избегая его прямого взгляда. «Гореть тебе в аду, прислужница сатаны!» – имитируя голос сумасшедшей старухи, увещевал мой голос в голове.

– Милая, – англичанин мягко взялся за мой подбородок и заставил посмотреть на него. – Разгром – это сушья ерунда для тебя! Я не верю, что ты из-за него испытываешь муки совести. А ты их испытываешь, я чувствую. Случилось что-то ещё...

Доктор наблюдал за нами практически скучающе. Если бы только его не было рядом! Если бы только мы остались с Томасом наедине! Я чувствовала, что не могу произнести при своём надсмотрщике ни слова. Не знаю, когда именно я подписала этот негласный договор, но нарушить его я уже не могла. Мне казалось, от любого моего слова будет только хуже. Том так слаб сейчас... И нам обоим нужна была помощь. И хоть какой-нибудь союзник на базе, пока мы не придумаем что-нибудь более подходящее.

– Мне жаль, я не сдержала обещания, – не совсем соврала я. – Ты ведь просил меня не провоцировать их. Извини.

Губы мужчины дрогнули и поджались. Он разочарованно покачал головой и вздохнул. Мне показалось, что ссадины и синяки на его лице стали чуть менее яркими. С него вообще ушла вся лишняя краска, оставив ему несколько болез-

ненный вид. Окинув растерянным взглядом пространство за мной, он вдруг тихо поинтересовался:

– Ложь во благо?

Я коротко кивнула.

– Ох, чёрт, – недовольно послышалось мне в ответ. – Лучше бы не спрашивал...

Тяжёлая ладонь опустилась на мой затылок.

– Девочка, ты опять не оставляешь мне выбора, – прошептал он мне в волосы. – Но если ты считаешь, что так будет лучше... Что я должен сделать?

– Пусть он займётся этим чёртовым швом, – отозвалась я. – Ибо это меня сейчас беспокоит в первую очередь. Толку от нашего побега, если ты отбросишь копыта где-нибудь по дороге?

Длинные мужские пальцы с силой разминали мне шею, словно так и желая свернуть её.

– Хорошо, – с трудом согласился он и добавил чуть тише: – А что потом?

– Ничего.

Его рука замерла.

– Разве мы не должны выбраться отсюда? – осторожно поинтересовался он.

– А у тебя хватит сейчас на это сил? Нужно постараться наладить с ними диалог. Если тебе поверили, не думаю, что у них останутся основания и дальше держать нас взаперти. Нам нужно постараться убедить их...

Роман Александрович тактично откашлялся, заставив меня замолчать. Пожалуй, я говорила достаточно громко, чтобы он смог расслышать, о чём я вела речь.

– Мне жаль нарушать ваше единение, – обратил он на себя внимание, – но, раз уж мы договорились, мне нужно заниматься своими прямыми обязанностями.

Том больше не стал возражать. Оставив наши разговоры на потом, он тяжело бухнулся на стул и молча стянул с себя одежду.

Интересно, что было у доктора на уме? Действительно ли он не преследовал никакой цели? Могло ли быть так, что под видом помощи он просто пытается втереться к нам в доверие, а командир на самом деле прекрасно осведомлён о происходящем?

Я несколько раз обошла вокруг них, пытаюсь убедиться, правда ли на моём спутнике нет «ни единой царапины», как меня заверили. Но заметила на теле Томаса столько следов, что затруднялась ответить, когда он их получил. Всё-таки от Дядьки ему недавно порядочно прилетело, и визуальный осмотр меня не особо-то успокоил, а спросить прямо – язык не поворачивался.

– Не мешай мне, – настоятельно попросил Роман Александрович. – Ты загораживаешь мне свет. Отойди.

Переступив с ноги на ногу, я подозрительно прищурилась и поспешно вытащила из пистолета магазин. Полный. Том кинул на меня напряжённый взгляд.

– Думала, разряженный? – тут же отреагировал доктор, даже не повернувшись в мою сторону.

– Глупая идея – доверить мне оружие, – не удержалась я от замечания. – Мы ведь можем взять тебя в заложники...

Доктор глухо посмеялся.

– Честно говоря, плохая затея. Не такая уж я и важная птица.

– А может быть, важная?

– Может быть. Попробуйте, – с лёгкой издёвкой предложил Роман Александрович. – Только вот если не получится – сами виноваты. Я предупреждал.

Подойдя к столу, я по привычке запрыгнула на него и устроила пистолет на коленях. Дёрнувшись, Томас зашипел и витиевато выругался на смежном языке. Дожидаясь, пока пациент успокоится и вновь примет неподвижную позу, Роман Александрович тяжело вздохнул:

– Твоя школа? – кинул он мне через плечо.

Не знаю почему, но я довольно зарделась.

– Просто нужно делать это нежнее, доктор, ещё нежнее, – не удержалась я от комментария.

Томас подарил мне красноречивый взгляд, но стоически промолчал. Доктор тем временем отложив инструмент, потянулся за другим и между делом решил вдруг поинтересоваться:

– Как дела у Сани?

Нужно было видеть, как англичанин изменился в лице.

– Откуда ты его знаешь? – вырвалось у него.

– Здесь почти все его знают или хоть раз о нём да слышали, – ухмыльнувшись, повторился доктор. – Как-никак – сын Командира, пусть и дурак отменный.

Мы с Томасом переглянулись.

– Получается, – осторожно подбирала я слова, – он живёт здесь, на базе?

– Раньше жил, – поправил меня Роман Александрович. – Пока не решил уйти в вольное плавание. Месяц назад с отцом поссорился и ушёл. В последнее время новостей о нём мало – хорошо скрывается. Так что я рад получить о нём хоть какую-то весточку.

– А я говорил, что он врал тебе! – мрачно подытожил Том.

– Скорее, недоговаривал, – задумчиво поправила я, вспоминая всё то, что мне наплёл дезертир.

– А что, если он изначально вёл нас сюда?

– Это вряд ли, – влез в нашу начинающуюся перепалку доктор. – Его сюда и атомной войной теперь не загонишь.

Мы с англичанином, не сговариваясь, замолчали. При допросе у командира Саню мы упоминали и не раз, но, кажется, эта тема мало кого интересовала. А тут – такие интересные подробности!

– Кто тебя ранил? – вдруг уточнил доктор у Томаса.

– Она, – бесхитростно кивнул на меня Том, занятый сейчас совсем другими мыслями.

Я хмуро взглянула на него в ответ и почувствовала ощу-

тимый укол совести.

– Неожиданное проявление любви, – сдержанно усмехнулся Роман Александрович и обернулся. – Слезь со стола, пожалуйста.

С неохотой я предельно медленно соскользнула с гладкой столешницы, красноречиво закатив глаза. Том не сдержал лёгкой улыбки. Я хотела что-то сказать в ответ, но желудок в очередной раз конвульсивно сократился, и я поспешно прикрыла губы ладонью, шумно вздохнув через нос.

– Мутит? – быстро подметил доктор.

Лишившись желания открывать рот, я коротко кивнула.

– Только не в раковину, – крайне убедительно попросил он, заметив мой беглый взгляд. – И не на пол. Загляни в кабинет, там в углу есть ведро – можешь взять.

Не желая испытывать судьбу, я быстро кинула оружие на стол и на подгибающихся ногах «улетела» к указанной мне приоткрытой двери. В этой небольшой комнате не было окон. Где-то над открытыми стеллажами с коробками назойливо гудела небольшая вытяжка. На длинном письменном столе белым светом горела настольная лампа, рядом лежали аккуратные стопки бумаг и раскрытый журнал.

Ведро нашлось достаточно быстро. Плюхнувшись в мягкое кресло на колёсиках, я обхватила ёмкость обеими руками и постаралась лишний раз не шевелиться. Вдох-выдох. Зацепившись взглядом за журнал, я полюбопытствовала и пролистала пару страниц. Вдох-выдох. Красивый ровный и

разборчивый почерк украшал, иначе и не сказать, пожелтевшие листы. Ничего примечательного – просто какие-то медицинские заметки. Раскрыв страницы веером, я быстро полистала их, улавливая какой-то специфический запах, пока по одной из них не соскользнул кусочек плотной бумаги и улетел куда-то вниз.

– Чёрт! – тихо высказалась я, быстро отставляя ведро на пол.

С трудом опустившись на колени, я заглянула под стол – и моему взгляду открылись нижние полки, заполненные какими-то банками. Внутри некоторых из них было заключено нечто, напоминающее по форме пиявку, остальные препараты я не успела разглядеть.

– Фу, – скривилась я и на ощупь притянула к себе ведро, – формалин...

Тут-то меня и вырвало, спасибо баночкам. Запах формалина мне был хорошо знаком, и даже странно, что моему мозгу понадобилось так много времени, чтобы его вспомнить. После относительно недолгого общения с моим новым пластиковым другом я перевела дыхание и в очередной раз сплюнула, чувствуя приятную пустоту в области желудка. Всё. Теперь там точно ничего больше не было, а стало быть, и сюрпризы у моего организма временно закончились.

Убрав ведро подальше, я оставила находки на потом и попыталась найти утраченную бумагу. Цветной край её как раз торчал из-под тумбы. Я заинтригованно рассмотрела най-

денную фотографию и неопределённо хмыкнула. Фото было явно домашним и довольно потёртым. С него на меня смотрела хорошенькая женщина и ребёнок, навскидку лет семи. Никаких подписей с обратной стороны или пометок я не нашла. Уронив руки на колени, я пожевала нижнюю губу и вновь окинула взглядом стеклянные банки.

Наконец я подхватила одну из них и поднялась на ноги. Фотографию я аккуратно спрятала обратно в журнал. Правда, наугад и не особо надеясь, что это останется незамеченным.

Когда я вернулась, Томас уже одевался, а доктор возился возле раковины. Мой неумелый шов был исправлен более квалифицированными руками. Что ж, я была благодарна доктору за это. Я неспешно подошла к столу, по привычке запрыгнула на него и замерла в ожидании, вертя в руках склянку. Пистолет лежал на прежнем месте, именно там, куда я его положила. Насчет того, что я держала в своих руках, у меня сомнений не было – таких «червей» я уже видела. Чувство уверенности медленно, но верно начинало подзадоривать меня, и я, пожалуй, вела себя теперь чуть наглее обычного.

– Я не разрешал тебе брать это, – заметил Роман Александрович, выключая воду и подхватывая с крючка небольшое полотенце.

Англичанин озадаченно уставился на банку в моих руках. Решив поощрить его любопытство, я протянула её ему.

– Это – паразит, превращающий человека в зомби, – довольно донесла я до его сведения. – Как эта сволочь попадает в организм – неизвестно. Или уже известно? Что скажешь, док?

Я недвусмысленно обернулась на Романа Александровича, что неспешно приближался к нам с грацией кобры, готовой к нападению. Спокойный, хладнокровный, но с явным желанием открутить мне голову. Только вот почему-то в этот раз мне было уже не так страшно.

ГЛАВА 45. ПРОСЬБА

– Тебя в детстве не учили, что нельзя брать чужие вещи без спроса? – доктор резко выхватил у меня банку. – Со стола слезь.

Почти отвернувшись, он замер, ожидая, пока я соизволю спрыгнуть. Я, ухмыльнувшись, сделала ему такое одолжение. Приятно было ощутить, что даже у такого человека наклёвывались свои слабые места. Роман Александрович внимательно смерил меня взглядом и наконец моргнул.

– Как ты с ней справляешься? – не сдержавшись, поинтересовался он вдруг у Тома, хмурясь.

– Я люблю её, – бесхитростно ответил тот.

– Это многое объясняет...

– Док, вы изучаете зомби или создаёте их? – последовал неожиданный вопрос от англичанина.

С удивлением отметив, что я бы до такого не додумалась, я жадно впитывала реакцию доктора. Впервые за всё время нашего общения с Романом Александровичем я увидела на его лице неподдельное возмущение. Но прежде чем он успел разразиться, без всякого сомнения, познавательной речью, послышался осторожный стук в дверь.

– В кабинет, быстро, – спохватившись, доктор сунул склянку мне обратно в руки. – И сиди там тихо... Ну, живее!

Застигнутая врасплох, я кинула встревоженный взгляд на Тома и, машинально подчинившись бескомпромиссному тону доктора, ретировалась в уже знакомую комнату.

– Её там нет, понял? – вкрадчиво добавил он Томасу уже за моей спиной, с тихим бряцаньем вытаскивая ключи.

Англичанин не стал возражать, а через пару мгновений дверь отворилась. Ведомая любопытством, я мельком выглянула и заметила, что вошли двое – командир и неизвестный. Я обхватила длинную банку обеими руками и осторожно спряталась за стеллаж. Стена, к которой я прислонилась, приятно пахла извёсткой. Решив, что хуже от этого точно не будет, я прижалась к ней щекой. Сердце гулко бухало где-то на одном уровне с банкой, и мне казалось, что это предательское биение слышно даже в соседней комнате.

– Добрый день, – послышался деловитый голос командира. – Как ваше самочувствие?

Том демонстративно промолчал.

– Уже лучше, – откликнулся за него Роман Александро-

вич. – Беспokoиться не о чём.

– Хорошо, – мужчина медленно померил комнату шагами и остановился. – Я рад, что вы оказались таким стойким человеком, мистер Стэнсбери. Приятно иметь с вами дело.

– Это издёвка? – голос Тома прозвучал глухо.

– Вовсе нет. Вы действительно заслужили моё уважение.

Англичанин болезненно посмеялся.

– Мне правда жаль, что нам пришлось так поступить, – тяжело выдохнул командир, – но вы должны понимать, что у нас не было другого выхода. Это для нашего общего блага. Так что примите мои глубочайшие извинения.

Я молилась, чтобы Том не наговорил лишнего. Лично я бы уже давно подробно проинструктировала этого человека, куда он после всего произошедшего может засунуть свои «глубочайшие извинения». Но мой Томми молчал, словно разговаривали и не с ним вовсе. И, чёрт возьми, я дивилась его выдержке!

– Вы закончили? – не дождавшись никакой реакции на свои слова, поинтересовался командир.

– Да, – коротко отозвался ему доктор.

– Тогда я хотел бы пригласить вас на личную беседу, Томас.

По затянувшейся паузе я поняла, что Том не в восторге от приглашения.

– А моя спутница? – наконец выдавил он. – Она тоже приглашена?

– Нет, это чисто мужской разговор, – послышалось ему в ответ. – Она нам лишь помешает. Не волнуйтесь, мы с вами просто поговорим. Есть кое-какие новости, и мне хотелось бы их обсудить с вами. Никаких наручников больше. Считайте себя нашим гостем.

– Но я не гость, – поправил Том. – Я пленник. Мы оба.

– Мне жаль, что вы так считаете...

– То есть, – грубо перебил его англичанин, – я могу отказаться от беседы с вами?

– Увы, нет.

– Так я и думал, – мрачно прокомментировал Том и, немного подумав, добавил, уже чуть более учтиво: – Тогда, полагаю, я вынужден пойти с вами, мистер...?

– Не нужно имён. Здесь все называют меня Командиром, и меня это устраивает.

Клокочущее негодование, так и стремящееся из Томаса наружу, бесславно разбивалось о невозмутимость этого человека. Хотела бы я посмотреть со стороны на их «личную беседу»!

– Что ж... Хорошо.

Кажется, англичанин всё-таки решил прислушаться к моим словам. Я услышала, как он встаёт и неуверенными шагами проходит к выходу. Вновь с тихим скрипом открылась дверь, выпуская их из помещения.

– Ром, зайдёшь ко мне через час, – вдруг попросил Командир на русском, прежде чем последовать за остальными.

– Понял, – скупно отозвался мужчина.

Шаги удалились куда-то вдоль по коридору. Робко заглянув в комнату, я успела разглядеть лишь широкую спину Командира в дверном проёме. Почти тут же мне прилетело по лбу – Роман Александрович в прямом смысле этого слова впихнул меня обратно за стеллаж. Я от неожиданности отпрянула и угрожающе замахнулась банкой.

– Не подставляй нас, – прошипел мужчина, перекрывая собой проход, не позволяя мне пройти. – Выйдешь, когда они уйдут.

Дверь в комнату спустя мгновение хлопнула, оставляя нас с доктором наедине.

– Помни, что тебя не должно было быть здесь, – заговорщицки пояснил он. – Я взял на себя риск.

– Надо же, как благородно! – поддела я ехидно. – И всё это ради меня?

– Нет, – довольно-таки язвительно ответил доктор. – Я знал, что он попытается напасть, это сильно осложнило мою работу. Поэтому я взял тебя с собой.

– И заставил меня врать, – зло прокомментировала я.

– Ты неплохо справилась со своей задачей.

– Ты меня использовал!

– А разве ты не хотела с ним увидеться? Не хотела, чтобы я помог ему? Считай, что я решил твои проблемы, а ты решила мою. Мы оба получили то, что хотели.

Набрав в грудь побольше воздуха, я так и не нашлась, что

ещё сказать. Вместо этого я довольно резко поставила банку на стол.

– Куда он его повёл?

– По всей видимости, к себе в кабинет.

– Зачем? – нахмурилась я. – Что за срочность?

Мужчина вздохнул. Его руки стремительно поползли в карманы брюк.

– Откуда мне знать? – явно раздражённо ответил он. – Ещё будут глупые вопросы? Замечу, я знаю ненамного больше твоего.

– Зачем он просил тебя зайти? – наконец выпалила я.

– Так нужно, – уклончиво пояснил доктор. – Это вообще не твоё дело.

Не было смысла наседавать на него и дальше, я знаю. С доктором такое просто не сработает. Растерявшись, я бесцельно обвела взглядом тесную комнату. Яркая лампа освещала письменный стол и сложенные на нём бумаги. Прозрачная банка с существом в формалине слегка поблёскивала в её свете. У меня не осталось сомнений, что Роман Александрович также, как и я, пытается докопаться до истины, и мне было одновременно интересно и страшно узнать, как далеко он продвинулся в своих изысканиях. Но сейчас главным для меня было совсем не это.

– Помоги нам, – неожиданно уверенно попросила я.

– Что? – брови доктора удивлённо поползли вверх.

– Ты должен помочь нам.

– Ты говоришь со мной совсем не тем тоном, – со скрытым ехидством предположил мужчина, чуть склонив голову. – Попробуй ещё раз.

– Саня говорил мне, что заражение не передаётся через укус, это правда?

Доктор помолчал некоторое время, словно раздумывая, в пределах допустимого ли моя любознательность.

– Правда, – наконец кивнул он.

Сердце неприятно сжалось. Нет, несомненно, это было хорошей новостью, и я догадывалась об этом. Но как теперь, подскажите, смириться с собственной памятью?

– Получается, что он действительно погиб зря, – я до боли закусила губу.

– Кто погиб зря? – настороженно поинтересовался доктор.

– Мой муж, – как можно спокойнее пояснила я. – Его укусили, и он думал, что заразился. Он предпочёл не подвергать меня опасности, не хотел ставить перед выбором. Он просто... остался, чтобы умереть. Умереть не самой приятной смертью.

Надо же, я рассказывала эту историю всего единожды, но в этот раз мне было несравнимо легче. Я не могла быть уверена, что произнесённое мною могло как-то тронуть этого человека, но я на это подсознательно надеялась.

– Вот как, – задумчиво изрёк он. – Ты не писала об этом...

– Я много о чём ещё не писала в той тетради, – заметила я. – Мы были женаты всего два года, но я безвозвратно поте-

ряла часть себя, когда он погиб. Каждый шаг, что я сделала после его смерти – это доказательство того, что его жертва не была напрасной... И только сейчас я поняла, что всё это было в действительности зря.

Медленно подойдя к столу, Роман Александрович выключил настольную лампу. В кабинете стало ещё темнее. Сглотнув горячий комок в горле, я продолжала стоять на месте и ждать хоть какой-то реакции, но мужчина не спешил нарушать тишину. Он упёрся руками в столешницу и размеренно постучал носком своего ботинка по полу, словно отсчитывая какое-то одному ему известное время. За эти долгие мгновения я успела прокрутить тот самый вечер с Томасом в лесном домике, где я оставила кольца, пытаюсь поставить точку в этой истории. Жалела ли я, что оставила их там? Иногда да, но всё чаще нет. Со временем всё менялось так мгновенно и стремительно, что те воспоминания неоправданно быстро отошли на дальний план. Наверное, я не должна была чувствовать себя плохо из-за этого или считать себя какой-то неправильной.

– Зачем ты рассказала мне об этом? – устало спросил доктор.

– Я хочу, чтобы ты понял, что для меня значит Том, – я смело заглянула ему в глаза. – После того, как я потеряла того, кого любила – он стал моей новой семьёй. Не найди я его, я бы вряд ли сейчас была жива. Осуждаете вы это или нет – он единственное, что у меня есть. Поэтому я прошу...

– Ты просишь не того, кого следовало бы, – мягко перебил меня Роман Александрович.

– Командир вряд ли будет меня слушать.

– И то верно, – подтвердил мои опасения мужчина. – Но и моё слово здесь ничего не решает. Я ничем не могу тебе помочь. Даже если бы хотел.

– А ты, стало быть, не хочешь? – улыбнулась я грустно, чувствуя, как на глазах выступили слёзы.

Доктор промолчал. Он задумчиво отвёл взгляд и глубоко вздохнул.

– Я – не Саня, – наконец подал он голос. – Я не готов скитаться по лесам и горам, питаюсь подножным кормом и веду постоянную войну за свои идеалы. Здесь я на своём месте: помогаю людям, изучаю заражённых. Хочу ли я тебе помочь? В пределах своих обязанностей. Моя цель важнее, чем мои сиюминутные желания.

«Кажется, это означает «нет», – прокомментировал мой голос в голове. Что ж... я должна была хотя бы попытаться.

– Ты голодна? – вдруг спросил Роман Александрович, явно пытаясь перевести тему в другое русло.

Я понуро опустила голову.

– Да, – тихо ответила я, стараясь скрыть своё разочарование.

– Идём со мной.

Мне осталось лишь молча пойти за ним следом, неловко теребя плотную ткань коричневой рубашки. За дверью ни-

кого не оказалось. Мы беспрепятственно вышли из комнаты, прошлись по узкому коридору и свернули налево. Я нехотя шла вперёд, скользя взглядом по хитроумному узору обоев, и корила себя. Почему я вообще решила, что моя откровенность пойдёт мне на пользу? Почему допустила мысль о том, что у нас с этим доктором есть что-то общее, что-то, что заставит его посочувствовать мне? Нет, ни один мускул не дрогнул на его лице, пока он слушал и говорил со мной. Похоже, моя личная трагедия была воспринята как довольно скучная история.

Спустившись по лестнице на цокольный этаж, мы вошли в просторную, наполненную шумом и запахами комнату. Запоздало осмотревшись по сторонам, я почувствовала неладное и помедлила, но рука доктора тотчас же упала мне на плечо, не давая мне шанса убраться восвояси незамеченной. Разговоры присутствующих и звуки стихли почти мгновенно.

– Чувствуй себя как дома, – обратился ко мне напоследок Роман Александрович. – Я вернусь за тобой позже.

Сказав это, он еле уловимо хлопнул меня по плечу, развернулся и пошёл в обратном направлении. Я слышала каждый его шаг по лестнице наверх, пока они окончательно не затихли, и он исчез, оставив меня один на один с компанией неизвестных мне мужчин. Оторопев, я стояла посреди комнаты, и все взгляды были прикованы ко мне. Они изучали меня – кто-то заинтересованно, кто-то с подозрением – и

молчали. У меня ком встал поперёк горла, ей-богу! Наконец один из присутствующих подал голос, пихнув плечом рядом сидящего товарища:

– А ну, уступи даме место!

Тот вскочил как ужаленный из-за обеденного стола и растерянно отодвинул свой стул, жестом предлагая мне сесть. Все застыли в ожидании моего решения. Я неловко попятилась к выходу, но стоило мне только развернуться в попытке сбежать, как я нос к носу столкнулась с вошедшим Алексеевым. Злой как чёрт, он только что спустился вниз и, по всей видимости, никак не ожидал меня здесь увидеть.

– Чё встала?! – недовольно буркнул он, не меньше моего смутившись внезапной встрече.

Его широкая фигура перегородила мне путь к спасению, и я решила, что лучше уж принять приглашение, чем вновь связываться с этой горой мышц. В практически абсолютной тишине, прерываемой лишь тихим тиканьем больших механических часов, я подошла к собравшейся за столом компании и опустилась на предложенное мне место. Моё тело было напряжено, словно струна, ладони активно вспотели, кровь прилила к лицу. От направленных на меня взглядов мне становилось очень неуютно и тревожно. Чтобы никого не спровоцировать, я старалась не разглядывать их в ответ. Я лишь настороженно молчала, уставившись круглыми от испуга глазами в синюю кружку парня, что вскочил на ноги, торопясь уступить мне место. В воздухе витали аппетитные

запахи. Словно почуяв еду, мой живот довольно громко высказал своё мнение по этому поводу, но никто из присутствующих не засмеялся и вообще не обратил на это внимания.

– Так, – деловито крикнул мужчина, согнавший своего товарища. Он сидел по правую руку от меня, и перед ним были рассыпаны спички. – Ребят, а кто у нас сегодня на раздаче? Митя? Давай, Митя! – его широкая ладонь хлопнула по столу. – Принеси-ка ещё одну тарелку.

– И чайник, – встрепнулся приятным басом бородатый мужчина напротив. – Чайник притащите кто-нибудь!

И тут всех как будто прорвало...

– Ты суп будешь с хлебом или без? Партизан печёт обалденные булки! Я щас принесу...

– Татарин, подай приборы, быстро!

– Кто-нибудь видел соль? Митя опять не досолил...

В один миг передо мной появилась тарелка с супом, ложка и ещё множество вещей, о которых я никого из них не просила.

– Как звать-то тебя?

– Тин, – растерянно ответила я, даже не увидев, кто именно из присутствующих задал мне вопрос.

Здесь за общим столом собралось человек десять, не меньше.

– Почему Тин?

– Это что, прозвище?

– А нормальное имя у тебя есть?

– Да дайте поесть человеку! – возмутился голос справа.

– А замуж за меня пойдёшь? – проскрипел кто-то из угла.

Дружный гогот прокатился по комнате.

– Я замужем! – тут же выпалила я, раскрасневшись от внезапного вопроса.

– Муж не стена, подвинется! – полушутя ввернул всё тот же голос, ко всеобщему удовольствию.

– Грыдько! – донеслось справа. – Мы с тобой уже договаривались, что к Фёдоровне сватавьёв по твою душу засылаем, успокойся уже!

Говоривший повернулся ко мне и добавил, бережно сгребая рассыпанные спички в одну кучку:

– Ты не слушай его, он шутит. И ешь уже, а то синюшная такая – того и гляди помрёт! Я Слава, кстати, – он добродушно улыбнулся мне. – А вот этот длинный дрыщ – Митька. А малец, что жопу ради тебя от стула смог оторвать – Кит, и я в жизни ещё не видывал, чтобы он так вскакивал! Ну, а остальные сами представятся, чай, не маленькие... Будем знакомы!

Слава говорил быстро и эмоционально да и выглядел довольно располагающе. Вообще присутствующие здесь люди, ну исключая всё же Алексеева, пожалуй, не выглядели как головорезы и убийцы. Наоборот, я вдруг почувствовала себя так, будто бы оказалась в компании старых друзей.

– Ну, что, парни, принимаем сестру в наши ряды?

Комната наполнилась одобрительным гудением. Я осмот-

рела всех собравшихся, но не заметила ни одного косого взгляда в свою сторону! Я вспомнила, как ещё пару часов назад заочно ненавидела их всех, даже не удосужившись подумать о том, что они всего лишь обычные люди. Вспомнила, как попыталась завладеть пистолетом доктора... Пожалуй, если кого и стоило ненавидеть, так это Командира, отдающего приказы и ведущего такую политику!

На мои глаза навернулись слёзы, и я не смогла вовремя сдержаться – слишком уж долго они напрашивались. Болезненная напряжённая нить, державшая меня до сих пор в страхе, вдруг лопнула и бесследно исчезла.

– Ты чего?!

Спрятав лицо в ладони, я замотала головой, не в силах выразить всю бурю эмоций, которую они у меня сейчас вызвали.

– Да что случилось-то, нормально же сидели?!

– Грыдько, твою мать, я же сказал тебе – помолчи! – осадил его Слава. – Видишь, девушку шутками своими дурачками до слёз довёл!

– Так это, может, слёзы радости! Не каждый день же тебе предложение делают.

– В твоём случае, Грыдько, могут быть исключительно слёзы горя. Жених из тебя, прямо скажем, так себе...

– Чёй это?! – искренне возмутился Грыдько.

– Да-а, такое счастье сложно переоценить! – полушутя прокомментировал кто-то слева.

Утешали меня всей компанией. Оправдывались, что, мол, Грыдько уже шизоидной старушке обещан и отменять помолвку как-то некрасиво. Предлагали подождать, пока он овдовеет, не отчаиваться, не уходить в монастырь, и несли прочую околесицу, от которой у меня спустя минут десять уже сводило скулы от смеха. Затем обсуждение персоны Грыдько довольно гармонично перешло в байки и личные споры. Слава же вернулся к своим спичкам, так что я, почувствовав, что интерес к моей личности несколько ослабел, смогла наконец-то притронуться к еде.

Суп, к слову, был просто божественным. Но действительно слегка недосоленным.

ГЛАВА 46. РЕШЕНИЕ КОМАНДИРА

Доктор вернулся за мной спустя пару часов. Однако время, проведённое в обществе новых знакомых, пролетело для меня незаметно. Столовая, как оказалось, являлась местом, где все постоянно собирались и подолгу проводили время. Периодически кто-то уходил на дежурство или по иным делам, но на их место тут же приходил кто-нибудь другой. И почти каждый раз я подвергалась небольшому допросу на тему своей скромной персоны. Всем была известна история про найденных выживших. Поэтому вопросы не обходили стороной и Тома, которого до сих пор мало кто видел. Я старалась говорить общими фразами и особо не вдаваться в по-

дробности нашего с ним путешествия. Слава же продолжал крутить самодельные гранаты и периодически отваживать от меня особо докучливых индивидуумов.

– Не бойсь, – наконец среагировал он на мой косой взгляд в его сторону, когда от меня отстал очередной любитель потрепать языком. – Это просто хлопушки – пиротехника обыкновенная.

– А для чего они?

– Да упырей этих пугать, – пояснил мой собеседник. – Бывает, подкрадываются к нам среди ночи и пробуют пробраться через периметр. А в темноте же не видно ни зги! Свет зажигать запрещено – сразу же налетят как комарьё со всей округи. А вот резких непонятных звуков пугаются. Тратить на них боевые гранаты слишком велика честь, вот и ставим растяжки из обычных хлопушек. Как хлопнет – значит, крадётсЯ какая-нибудь гадина, и нужно быть наготове. Они же наглые как сволочи стали! Чувствуют, поди, что зима скоро наступит, лезут прям напролом! Быстрее бы уже снег выпал... может, и околеют эти жмурики совсем. Да хоть бы!

– Я тоже на это надеюсь, – мрачно прокомментировала я.

– Надо признать, и я на это надеюсь, – неожиданно раздался голос за нашими спинами.

Вздвогнув, я обернулась и обнаружила позади себя доктора.

– Я за тобой, – на всякий случай пояснил он с совершенно серьёзным лицом.

– А можно мне ещё немного побыть здесь? – с надеждой попросила я, без удовольствия вспоминая комнату, в которой меня держали всё это время.

– Есть разговор, – неожиданно сообщил Роман Александрович. – Лучше тебе пойти со мной прямо сейчас.

– Ром, ты бы хоть присел, чаю со мной выпил, – осторожно, но добродушно заметил Слава. – Вечно сидишь в своём склепе...

– Не могу, – сдержанно ответил ему доктор. – Работа.

– Тебе бы пушку нормальную выдать и в поле пострелять выпустить, – настоятельно порекомендовал Слава, подбрасывая на руке готовую гранату. – Выпускать пар, оно это, полезно для психологического здоровья!

– Спасибо, но я, пожалуй, откажусь от твоего заманчивого предложения, – проговорил себе под нос доктор.

Роман Александрович обвёл комнату беглым взглядом и лишь единожды кивнул кому-то из присутствующих.

Слава ухмыльнулся:

– Ну, ты смотри, обращайся, если что...

– Обязательно, – не слишком убедительно заверил его мужчина и добавил, обращаясь ко мне: – Ну, так что? Идём?

Надо признать, что я была заинтригована, а потому довольно быстро согласилась.

Из столовой мы вышли спешно и по пути не перекинулись и словом. Мы встречали по дороге кого-то, но никто ничего у нас не спрашивал. Стало быть, то, что я свободно передви-

гаюсь по базе, уже ни для кого не было чем-то сверхъестественным.

– Я смотрю, парни тебя приняли, – удовлетворённо хмыкнув, заметил доктор, прикрывая за нами дверь. – Это хорошо.

Провернув ключ в замке, он спрятал его в карман и подтащил принесённый им ранее стул к кровати. Я же прошлась по комнате и обнаружила, что весь царивший здесь ещё недавно бардак был кем-то любезно прибран. На столе горела мягким светом новая лампа. Не считая необходимости как-то отвечать на прозвучавшие слова, я тяжело бухнулась на кровать и выжидающе замерла.

Мужчина неспешно опустился на стул напротив меня, закинул ногу на ногу и, случайно поймав мой взгляд, ненавязчиво отвернулся к окну.

– Рассказывай, – настойчиво попросила я. – Я знаю, что ты был у него, а значит, что-то знаешь!

– У меня две новости, – медленно изрёк мужчина, то и дело поглядывая на меня и вновь отводя глаза.

– Хорошая и плохая? – догадалась я, почувствовав, как вся лёгкость, подаренная общением с обитателями базы, безвозвратно выветривается.

– Это тебе решать, – доктор неспешно поправил очки и прижал пальцы к губам. – Может, обе хорошие, а может, обе плохие – тут смотря с какой стороны посмотреть.

– Говори как есть, – попросила я, нервно заламывая руки.

Некоторое время он помолчал и, наконец, отнял руку от лица, решаясь заговорить конкретнее.

– Начну с того, что у тебя есть выбор – ты можешь уйти или же остаться. Последнее – моя инициатива, и мне удалось убедить Командира, что в данной ситуации это допустимо.

– Значит... нас отпустят? – осторожно предположила я.

– Как ты, возможно, заметила, – словно не услышав моего вопроса, продолжил Роман Александрович, – на базе женщин нет, исключая нашу местную старушку, конечно. Но это отдельная история... Почти всем найденным нами людям мы помогаем добраться до небольшого гражданского убежища, чуть севернее от нас. У нас с ними договорённость о взаимопомощи, и выживших они принимают. Здесь остаются только самые нужные и избранные люди, которых одобряет Командир. Но учитывая твои навыки, под мою личную ответственность, ты бы могла остаться здесь в качестве моего помощника и заниматься вместе со мной исследованиями. И, если хочешь знать моё мнение, такой вариант будет лучшим для тебя. Соглашайся.

– Так... Я приняла это к сведению, – нахмурилась я, чувствуя неладное. – Можешь переходить ко второй новости.

Я сжала руками край кровати и чуть подалась вперёд, в полной готовности услышать каждое его слово.

– Том покинет базу.

– Хах! Тогда и я не останусь здесь! Какой смысл в твоём предложении?

– Ты не поняла меня, – осторожно заметил мужчина. – Он покинет базу завтра же. Один. Гражданина Великобритании обменяют на нашего человека, волею судьбы оказавшегося в руках... наших заграничных коллег. Доставят, так сказать, с комфортом и куда нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.